

Редакция журнала «Новое литературное обозрение»
и Европейский университет в Санкт-Петербурге

Вторая конференция в рамках совместной программы
«Антропологизация гуманитарных и социальных наук»

**ДОСТОИНСТВО
КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

Москва, 2–4 июня 2017 года

«Новое литературное обозрение»

издательский дом

Москва, Россия, 123104,

Тверской бульвар, д.13, стр.1

Тел.: +7 (495) 229-91-03

info@nlo.magazine.ru

www.nlobooks.ru

Новое
Литературное
Обозрение

**АНООВО «Европейский Университет
в Санкт-Петербурге»**

191187, Санкт-Петербург,

Гагаринская ул., 3А

Тел.: (812) 386-7637;

факс: (812) 386-7639

www.eu.spb.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Апелляция к достоинству как серьезному аргументу в общественных дебатах стала отличительным признаком современного международного публичного дискурса. Политики обычно говорят о достоинстве/унижении страны или государства (достаточно вспомнить риторику «вставания с колен» в России или призывы Дональда Трампа вернуть достоинство и величие Америке). Отдельные социальные группы чаще ссылаются на унижение достоинства людей (протесты российских «рассерженных горожан» в конце 2011-го — начале 2012 года; всевозможные акции «оскорбленных верующих», демонстрации против ксенофобии в отношении иммигрантов и т.д.).

Более 20 лет тому назад израильский философ Авишай Маргалит написал книгу, посвященную философскому осмыслению понятий достоинства, чести и унижения в коллективном и индивидуальном сознании современного человека (Avishai Margalit. *The Decent Society*, 1995). С тех пор в мировой (и прежде всего, англоязычной) академической литературе наблюдается резкий рост исследований на тему достоинства, что свидетельствует о центральном месте этого концепта в объяснении фундаментальных социальных трансформаций и точек бифуркаций современной эпохи.

Понятие достоинства стало важным объектом анализа западной мысли и применительно к исторической перспективе. По существу, именно эволюция представлений о личном, корпоративном и государственном/национальном достоинстве под влиянием различных социокультурных факторов неоднократно приводила к цивилизационным парадигмальным сдвигам.

Мы предлагаем участникам конференции обсудить понятие достоинства (и связанные с ним категории чести, доблести, унижения, поругания и т.д.) как историческую категорию и как болевую точку современности.

Проблематизацию исторического понятия достоинства организаторы хотели бы рассмотреть с самых разных сторон: с философской, культурологической, лингвистической (включая наследие классических языков), политической, социальной.

Программа

2 ИЮНЯ

12:30–14:30 Секция 1. (Большой зал)

15:30–17:30 Секция 2. (Большой зал)

3 ИЮНЯ

12:30–14:30 Секция 3. (Большой зал)

12:30–14:00 Секция 4. (Малый зал)

15:30–18:30 Секция 5. (Большой зал)

15:30–18:30 Секция 6. (Малый зал)

4 ИЮНЯ

12:30–15:30 Секция 7. (Большой зал)

12:30–15:30 Секция 8. (Малый зал)

16:00–18:30 Секция 9. (Большой зал)

2 ИЮНЯ

11:00–12:00 Приглашенный спикер: Профессор Хоми К. Баба (Центр гуманитарных наук, Гарвардский университет, США). **Достоинство in extremis: миграция, смерть и возможность выживания**

12:30–14:30

Секция 1.

Достоинство как историческое и философское понятие

Модератор: Ирина Прохорова («Новое литературное обозрение»)

1. Игорь Е. Суриков (Институт всеобщей истории РАН, Москва). **Термины достоинства в древнегреческом и латинском языках: рождение категории в двух древнейших европейских цивилизациях**

2. Константин Бандуровский (РАНХиГС, Москва). **Понятие достоинства в философии Фомы Аквинского**

3. Ованес Акопян (Центр по изучению Ренессанса Уорикского Университета, Великобритания). **Джованни Пико делла Мирандола и его «Речь»: о достоинстве человека?**

4. Михаил Немцев (Интернет-журнал «Гефтер.ру», Москва). **Достоинство и уязвимость: комментарии к концепции Гаймона Беннета**

15:30–17:30

Секция 2.

Достоинство и дискурсивные практики

Модератор: Николай Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

1. Елена Марасинова (Институт российской истории РАН; НИУ ВШЭ, Москва). **Понятие «шельмование» в России XVIII века**

2. Владислав Ржеуцкий (Германский исторический институт, Москва). **Язык, честь и национальное достоинство: из истории идентичности русской элиты XVIII века**
3. Татьяна Венедиктова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва). **Индивидуальное достоинство перед судом «безжалостной демократии»: дело Германа Мелвилла**
4. Андрей Заостровцев (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург). **Буржуазное достоинство как первоисточник экономического роста: концепция Дейдры Макклоски**

3 июня

11:00–12:00

Приглашенный спикер: Профессор Авишай Маргалит (Еврейский университет в Иерусалиме, Берлин).
Манипуляция и достоинство

12:30–14:30

Секция 3.

Достоинство как историческое и философское понятие (продолжение)

Модератор: Ирина Прохорова («Новое литературное обозрение»)

1. Андрей Десницкий (Институт востоковедения РАН, Москва). **Достоинство человека: библейские истоки**
2. Сергей Иванов (НИУ ВШЭ, Москва; СПбГУ). **Было ли в Византии понятие человеческого достоинства?**
3. Жоао Кардосо Росас (Университет Минью, Португалия). **Политическая концепция достоинства — к вопросу о правах человека**
4. Элвис Имафидон (Институт специальных исследований Йоханнесбурга, ЮАР). **Онтологические и этические унижения достоинства Другого: дискриминация по нарушению здоровья и ксенофобия в Африке**

12:30–14:00

Секция 4.

Достоинство в мусульманском мире

Модератор: Альфريد Бустанов (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Амстердамский университет)

1. Евгения Никитенко (ИВКА РГГУ; ШАГИ РАНХиГС, Москва). **Оскорбление достоинства и восхищение самоконтролем: персидские тексты раннего нового времени о достоинстве**
2. Ильшат Саетов (Центр изучения Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва). **«Не суй нос в наши спальни»: оскорбленные турецкие граждане и протесты в парке Гези в 2013 году**

3. Диляра Брилева (Казанский федеральный университет, Казань). **От (само)унижения к достойному: дискурс татар-мусульман Российской империи начала XX века (по материалам журнала «Шура» (1908–1917))**

15:30–18:30

**Секция 5.
Достоинство и дискурсивные практики (продолжение)**

Модератор: Николай Поселягин («Новое литературное обозрение»)

1. Светлана Стивенсон (Лондонский университет Метрополитен, Великобритания). **Диктатура чувств**
2. Ксения Черкаева (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). **От «позорного креста» к «общепринятым стандартам»: трансформация термина «достоинство» в юриспруденциях Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации**

16:30–17:00

Перерыв

3. Екатерина Правилова (Принстонский университет, США). **«Знаки достоинства» или «знаки доверия»? Бумажные деньги и политический дискурс в России конца XVIII — первой половины XIX века**
4. Олег Журавлев (Европейский университет-институт во Флоренции; Лаборатория публичной социологии, Санкт-Петербург). **«Достоинство» как категория политики подлинности**
5. Ирина Рудик (РГУ им. С.А. Есенина, Рязань). **«Ничего позорящего или бросающего тень как на корпорацию, так и на меня, не делал»: честь» и «достоинство» в практике студенческих корпораций**

15:30–18:30

**Секция 6.
Политическое и национальное измерение понятия достоинства**

Модератор: Татьяна Вайзер («Новое литературное обозрение»)

1. Эрман Обье (Астонский университет, Великобритания). **Политика достоинства в Китае XXI века**
2. Хулиета Газтаньяга (CONICET, Университет Буэнос-Айреса, Аргентина). **Сохранить достоинство в «политической работе» в Аргентине**

16:30–17:00

Перерыв

3. Джитендра Уттам (Школа международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия). **Лишить достоинства: политическая экономия унижения каст в Индии**
4. Анна П. Ронелл (Университет Массачусетса, США). **Достоинство и миграционный кризис — вчера и сегодня: новые материалы из Израиля**
5. Светлана Сидорова (Институт востоковедения РАН, Москва). **Stiff Upper Lip: поведенческий кодекс британских колонизаторов в Индии**

4 ИЮНЯ

11:00–12:00

Приглашенный спикер: Профессор Олег Хархордин (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург). **Достоинство личности или достоинство группы**

12:30–15:30

Секция 7.

Достоинство сквозь призму личных и художественных текстов

Модератор: Ирина Прохорова («Новое литературное обозрение»)

1. Алексей Беспалов (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). **Мужское достоинство женщины-офицера: Надежда Дурова и гендерный режим «чести-достоинства» в аристократической культуре XIX века**
2. Олег Проскурин (Университет Эмори, США). **Оскорбленное достоинство и право на терроризм (Почему Пушкин хотел убить царя и почему не убил)**
3. Алексей Козлов (Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск). **Категория достоинства в мемуарах петрашевцев**

14:00–14:30

Перерыв

4. Лариса Никифорова, Анастасия Васильева (Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург). **Иконография достоинства и хореографические позы в русском портрете XVIII века**
5. Томаш Гланц (Цюрихский университет, Швейцария). **Мультипликация достоинства**

12:30–15:30

Секция 8. Достоинство и мода

Модератор: Людмила Алябьева (журнал «Теория моды»)

1. Ксения Ельцова (РГГУ; «Новое литературное обозрение», Москва). **Семиотика избранности: дискурс о моде**

в качественных медиа (по материалам приложения «Стиль» издания «Коммерсантъ»)

2. Линор Горалик (НИУ ВШЭ; МВШСЭН, Израиль). **Fashion shaming: между оценкой костюма и оскорблением личности**
3. Аньес Рокамора (Лондонский колледж моды; Лондонский университет искусств, Великобритания). **О достоинстве труда в фэшн-индустрии: проблема стажировок**

14:00–14:30

Перерыв

4. Элисон Мэтьюс Дейвид (Университет Райерсона, Канада). **Достоинство без одежды: вынужденное обнажение в эпоху досмотра**
5. Ольга Вайнштейн (РГГУ, Москва). **Розовый бант Тави Гевинсон: достоинство в эпоху новых медиа**

16:00–18:30

Секция 9.

Достоинство сквозь призму личных и художественных текстов (продолжение)

Модератор: Николай Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

1. Мария Онипкина (независимый исследователь, Челябинск). **Достоинство как ключевой концепт женских автодокументальных текстов о ГУЛАГе**
2. Наталья Граматчикова (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург). **Достоинство, гордость, доверие и умение «быть живым» в (авто)биографических текстах о 1930–1940-х годах**
3. Алексей Попов (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь; Южно-Уральский государственный университет, Челябинск). **Казус Кости Гуманкова: интерпретации представлений о «чести» и «достоинстве» в советском выездном туризме**
4. Вячеслав Шульженко (Пятигорский государственный университет, Пятигорск). **Реставрация достоинства в поведенческой модели персонажей-кавказцев в постсоветской литературе**

Тезисы

Ованес Акопян

Центр по изучению Ренессанса Уорикского университета, Великобритания

Джованни Пико делла Мирандола и его «Речь»: о достоинстве человека?

«Речь», более известная как «Речь о достоинстве человека», считается манифестом ренессансного гуманизма и важнейшим сочинением итальянского мыслителя Джованни Пико делла Мирандола. Ее автор стал легендой еще при жизни — даже на фоне своих современников Джованни Пико отличался поразительной эрудицией. Это способствовало тому, что вокруг его имени возникло множество мифов, некоторые из которых живы до сих пор. Пожалуй, самый распространенный из них связан с «Речью».

Этот доклад будет посвящен двум основным проблемам. Во-первых, мы рассмотрим место «Речи» в контексте творчества самого Джованни Пико. Я покажу, что в действительности Пико воспринимал «Речь» лишь как введение к другому своему сочинению — «900 Тезисам», которые он намеревался представить на ученом диспуте в Риме. Вспомогательный характер «Речи» подтверждается тем, что она была опубликована лишь в 1496 году, то есть уже после смерти Джованни Пико.

Во-вторых, мы коснемся того, как в философии рубежа XIX и XX веков создавался миф о ренессансном «достоинстве человека», жертвой которого оказалась «Речь» Джованни Пико. Необходимость отказаться от подобной сугубо антропологической интерпретации как этого трактата, так и всего творчества Джованни Пико, будет центральным мотивом моего доклада.

Хоми К. Баба

Центр гуманитарных наук, Гарвардский университет, США

Достоинство in extremis: миграция, смерть и возможность выживания

Мой доклад посвящен литературной и философской рефлексии миграции как феномена, представляющего собой нечто большее, чем политический кризис, — кризис сознания нашей эпохи. Я буду основываться на различных материалах — журналистских, визуальных, документальных, художественных, — чтобы попытаться описать, что значит быть «уже мертвым» (по словам одного сирийского эмигранта), но все же продолжать бороться за выживание, принимая на себя «этический риск» выхода из темных и глубоких вод безнадежности и социальной смерти. Следует

учесть, что здесь не идет речи о дисциплинарном конвенциональном применении понятия достоинства. Основываясь на текстах Вальтера Беньямина, Ханны Арендт, Джорджо Агамбена и Мишеля Фуко, а также других авторов, я обращусь к некоторым биополитическим условиям «простой человечности» (Арендт), «голой жизни» (Агамбен) или «послежизни» (Беньямин), которые настойчиво возвращаются в самых важных историях нашего времени, где мы выступаем одновременно как субъекты и призрак.

Константин Бандуровский

РАНХиГС, Москва

Понятие достоинства в философии Фомы Аквинского

Истоки новоевропейского представления о достоинстве обычно связывают с периодом Возрождения и Нового времени. Однако это понятие широко употребляется и в средневековой философии. Например, в трудах Фомы Аквинского насчитывается около 2,5 тыс. мест, в которых оно употреблено. В трудах Фомы Аквинского выработано понимание «достоинства» (а также связанных с ним понятий личности, свободы выбора и т.д.), которое во многом схоже с его нововременным пониманием (например, у Канта) и вместе с тем отлично от него в ряде элементов. Этот факт представляет интерес как для сопоставления представлений о достоинстве в различные эпохи, так и для возможностей использования таких элементов в целях переосмысления и развития понятия достоинства (в настоящее время к томистскому пониманию часто обращаются католические мыслители, обсуждающие явления, связанные с проблемами биоэтики, однако потенциал применения этого понимания не ограничивается одной сферой). Обращение к работам Фомы Аквинского также важно для понимания того, откуда и каким образом происходит такое теологически фундированное понятие.

Само слово «достоинство» Фома Аквинский употребляет в различных смыслах и различных контекстах, не только для обозначения сущностного свойства личности. Однако эти словоупотребления также представляются важными, поскольку оказывают влияние на употребление, интересующее нас. Во-первых, слово «достоинство» используется для перевода греческого слова «аксиома», также этимологически связанного с понятием «аксиос», достойный. В этом смысле достоинство — это основоположение, ясное само по себе, необходимым образом находящееся в разуме и наделяющее ясностью и необходимостью все остальные положения, основанные на нём. Во-вторых, это слово относится к божественной сущности и активно используется в тринитарных спорах, например, при обсуждении вопроса, являются ли достоинства Отца (в том числе и отцовство) теми же самыми, что и Сына, если они едины по сущности. Третье словоупотребление, в отношении к человеческой личности, можно рассматривать как исток современного

употребления. Достоинство — это то, что присуще личности в ее единстве и уникальности и является ее основанием (отметим, что в современном понимании скорее из личности проистекает ее достоинство, чем из достоинства личность). Достоинство личности обозначает, что она не может использоваться как средство, но сама является целью в себе.

С понятием достоинства человека связаны различные аспекты философии Фомы Аквинского: его понимание того, что такое личность — как существо, наделенное разумом и свободой выбора, способное совершать этически ответственные поступки на основании обладания синдересисом, а также ряд других проблем в области антропологии, теории познания, этики и политики.

Алексей Беспалов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

**Мужское достоинство женщины-офицера:
Надежда Дурова и гендерный режим «чести-достоинства»
в аристократической культуре XIX века**

Ставший широко известным благодаря мемуарам самой Надежды Дуровой и фильму «Гусарская баллада» гендерно-курьезный случай, произошедший в начале XIX века, не раз становился объектом научного исследования. Каждая из этих работ по-своему ценна, однако ни одна из них не ставит вопрос, почему образ «кавалерист-девицы» не стал иконой русского феминизма? Даже в специальных работах, посвященных истории женского движения, Дурова не рассматривается как пример женской эмансипации, способный вдохновить других. Существующая точка зрения на биографию Надежды Дуровой как на «трансгендерный триумф» («Воинский дух, упорное желание взять в руки оружие, не изменив физиологической природы, развернули в противоположную сторону пол Надежды Дуровой. В середине XIX века в имперской России, находящейся во власти сословных и религиозных схем поведения, Дурова пережила в буквальном смысле настоящий „трансгендерный триумф“, с честью выдержав и в армии, и в жизни абсолютно все экзамены на мужскую идентичность») также не проблематизирует важность индивидуальной дворянской чести и достоинства отдельной личности — и это, на наш взгляд, способствует выдвиганию нового подхода к интерпретации ее биографии и образа, в рамках которого важнейшим аспектом анализа станет индивидуальный жизненный «проект» Надежды Дуровой в контексте проблемы чести и достоинства в аристократической культуре Европы XIX века (и России как неотъемлемой ее части).

Удивительным образом проходящий красной нитью через сочинения Надежды Дуровой призыв дать ей как человеку возможность самой выбирать жизнь, достойную себя, теряется при попытках изучить ее биографию за историей семьи

(ведь сбежала она от своих родителей), историей пола (сбежала она вслед за любовью, будучи лишенной возможности самой выбирать), историей полка («...Они даже гордились тем, что государь, своею волею поместив царскую крестницу именно в их полк, оказал им таким образом особое доверие, особую честь»), историей страны (сбежала она, чтобы сражаться с армией Наполеона). Необходимость «достойно» соответствовать профессии, ею выбранной, также становится основным аргументом в многолетней переписке с армейским руководством ради получения материальной поддержки — сначала для возможности нести службу, а после отставки — для получения пенсии. Затянувшаяся борьба за пенсию во многом и способствовала публикации ряда автобиографических текстов, ведь сделано это было не ради популярности, а по причине банальной необходимости зарабатывать на жизнь.

Изучение эпистолярного и мемуарного наследия Надежды Дуровой с точки зрения осознания дворянской чести и индивидуального человеческого достоинства представляется весьма продуктивным как для (гендерной?) истории, так и для современной ситуации противостояния личности «гибридному тоталитаризму» (если мне будет позволено воспользоваться таким неологизмом).

Диляра Брилева

Казанский федеральный университет, Казань

**От (само)унижения к достойному: дискурс татар-мусульман
Российской империи начала XX века
(по материалам журнала «Шура» (1908–1917))**

Периодическая печать татар-мусульман Волго-Уральского региона Российской империи, которая издавалась между двумя революциями 1905 и 1917 годов, представляла собой социальный механизм, позволивший географически рассредоточенным общностям мусульман России организовать площадку для публичных обсуждений различных острых вопросов современности. Подобной площадкой для обсуждения вопросов различного характера стали газета «Вақыт» и ее приложение, журнал «Шура», связанные с именем выдающегося публициста, ученого, богослова, общественного деятеля и будущего муфтия ЦДУМ Ризаэтдина Фахретдина (1859–1936).

Одной из основных проблем современности авторы журнала «Шура» видели в униженном положении мусульман по всему миру. К началу XX века часть татар-мусульман Российской империи уже имела возможность передвигаться по территории как самой России, так и разным областям Османской империи, Западной Европы, а также Северной и Южной Америк, сравнивая при этом условия жизни мусульман различных регионов России (Волго-Уральский регион, Крым, Центральная Азия, Кавказ) с положением дел в мусульманских и немусульманских

сообществах. При этом они совершали своего рода путешествие во времени. Современность сравнивалась с первыми веками существования ислама, о котором коллективная память донесла лучшие воспоминания: мусульмане еще не успели погрязнуть в стагнации, и *асабийя* мусульманской общины (термин, используемый Ибн Халдуном для обозначения связей внутри одного сообщества, которые, в свою очередь, сильны в кочевой период жизни общества и слабы в имперский) мусульманской общины еще не успела пострадать. Напротив, в государственных делах, военном деле, науке мусульмане превосходили европейцев, сопоставление с которыми теперь было одним из основных способов познания себя.

Пытаясь найти свое место в «системе координат» народов/наций (*миллетер*), авторы журнала «Шура» разделяли их по принципу отношения к прогрессу (*таракки*): «мы» —отсталые и «они» — развитые народы. Отсталые народы, к которым в большинстве случаев относились как мусульмане в целом, так и мусульмане Российской империи в частности, находились к униженному положению. Говоря про униженное положение, следует подчеркнуть, что авторы татарской мусульманской периодической прессы прежде всего обсуждали финансово-экономическое унижение, «отсталость» в вопросах образования и воспитания нового поколения, «отсталое» и униженное положение женщины в семье и обществе, избегая при этом политических тем. Как отмечает Авишай Маргалит, унижение распознается легче, чем уважение. Этот тезис объясняет то, что авторы статей прежде всего описывали конкретные сферы, в которых проявлялось унижение современных им мусульман. Решение набора социальных проблем должно было вывести мусульман из униженного положения. В этой связи авторам представлялся важным опыт «развитых» народов по движению к обществу достоинства. К «развитым» народам обычно относили население Западной Европы, Северной и Южной Америки, а также, в некоторых случаях, жителей Стамбула (когда было уместно противопоставление мусульман России и мусульман отдельных провинций Османской империи в некоторых вопросах).

Интересно, что, говоря об унижении мусульман, авторы зачастую имели в виду самоунижение, то есть рассматривали собственное униженное положение как результат своих же действий. И лишь иногда, касаясь вопросов политического и экономического унижения иностранных мусульман, в качестве причин подобно-го развития событий назывались действия и «развитых» народов.

Критика старого, «отсталого», униженного и особый интерес к новому, «прогрессивному» и достойному в жизни других мусульман был обусловлен тем, что в начале XX века татары-мусульмане Российской империи переживали масштабные социально-экономические и культурные реформы, которые основывались на критике старого, и интересовались новым опытом разрешения схожих социальных проблем у других мусульман. Таким образом, восприятие ислама как собственного, так и другого, осуществлялось через призму дихотомии «старое (которое подлежит уничтожению) и новое (которое должно быть построено)».

Ольга Вайнштейн

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**Розовый бант Тави Гевинсон:
достоинство в эпоху новых медиа**

Доклад посвящен противостоянию между редакторами глянцевого журналов и фэшн-блогерами, которое в разных формах продолжается уже несколько лет. Один из первых эпизодов связан с тринадцатилетней Тави Гевинсон, популярным фэшн-блогером, чей гигантский розовый бант в свое время мешал зрителям на показе «Dior». Последний громкий конфликт разразился осенью 2016 года, когда группа редакторов «Vogue» публично обвинила известных блогеров в том, что они носят оплаченные брендами наряды в качестве продакт-плейсмент и заняты непрерывной саморекламой. Прозвучавшие оскорбления — «убийство стиля», «жалкие кривляки» — серьезно задели достоинство авторов блогосферы. Отвечая на критику, известные блогеры Сьюзи Баббл (Сьюзи Лау) и Брайан Бой подчеркнули, что «старая гвардия» из «Vogue» защищает свою «башню из слоновой кости», тогда как именно в модной блогосфере реализуются принципы демократизации и разнообразия («diversity»).

В завязавшейся дискуссии выяснилось, что речь идет не только о разном понимании «достоинства», но и противоречии между бумажными журналами и новыми медиа. Стороны представляли разные поколения в мире моды и, что самое главное, принципиально отличные друг от друга системы моды. Если традиционная система предполагала диктат глянцевого журналов и сезонные показы с опережением на шесть месяцев, то новая система ориентирована на мгновенную трансляцию модных показов благодаря видеорепортажам и «прямому эфиру» в Инстаграме и других социальных сетях. В фэшн-индустрии эта система связана с «быстрой модой».

Новая система моды, возникшая благодаря цифровой революции, в маркетинговом отношении во многом опирается на популярных блогеров, пользующихся беспрецедентным влиянием благодаря огромному числу подписчиков. Достоинство фэшн-блогера в этом аспекте измеряется количеством лайков и подписок. Если блогер («influencer») имеет более полутора миллионов подписчиков, то его влияние имеет огромную цену: стоимость одного поста с упоминанием определенного бренда исчисляется пятизначными цифрами. Именно прямое личное общение популярного блогера со своими подписчиками позволяет ему играть роль посредника между брендом и потребителями.

В докладе анализируется динамика профессионального статуса фэшн-блогеров. Если раньше энтузиасты заводили модные блоги с целью заявить о себе и впоследствии занять место в модной индустрии, то теперь фэшн-блогинг — полноценная профессия, обеспечивающая как престиж, так и немалые заработки. Эти изменения наглядно отражаются в новых принципах рассадки

в первом ряду на модных показах. По традиции почетные места в первом ряду отводились редакторам глянцевого журналов, но ныне эти места нередко занимают знаменитые блогеры. Можно сказать, что проблема «розового банта» по-прежнему актуальна и служит симптомом серьезных перемен в системе моды.

Татьяна Венедиктова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Индивидуальное достоинство перед судом «безжалостной демократии»: дело Германа Мелвилла

Тема достоинства индивида исследуется в творчестве Германа Мелвилла на протяжении почти полувека в контексте веры в демократию, поначалу наивной, потом сопровождаемой мучительным сомнением, а в итоге — «радикальной» и «безжалостной». Что представляет собой индивидуальное достоинство в условиях отмены «богоданных» сословных привилегий, обеспечивавших их носителям наследственное самоуважение и благородную готовность к подвигу? И что побуждает «массовидного» гражданина новых времен озаботиться самоуважением, приподняв голову от «демократической и буржуазной кастрюльки с супом» (Алексис де Токвиль)?

Достоинство «искусственное» — производное от условностей, традиций и ритуалов (масло, которым поливается голова короля, или мантия, прикрывающая слабое тело) — американцем Мелвиллом воспринимается скептически. Большой интерес для него представляет «естественное достоинство», выделяющее объект или особь на фоне других, — природный аристократизм, который видится в неподражаемости, несравненности, самодостаточности выдающихся качеств. Такова ярчайшая звезда в созвездии, или кит среди обитателей океана, или «красавец-матрос» в корабельной команде. Но еще интереснее и проблематичнее ситуация «современности», в которой любая претензия на личное достоинство вынуждена себя оправдывать, не будучи подкреплена в достаточной степени ни природной самоочевидностью, ни авторитетностью господствующего порядка.

Индивидуальное достоинство у Мелвилла описывается под знаком парадокса — видимой невидимости, несовершенного идеала, скрываемой несокрытости. Между потенциалом личности и формами его означивания всегда есть разрыв, пространство неопределенности, двусмысленности.

В последнем, недописанном произведении Мелвилла — повести «Матрос Билли Бадд» — естественное достоинство (молодого матроса Билли Бадда) соизмеряется с достоинством культивированным (аристократа капитана Вира). Первый слишком простодушен и не способен себя защитить от изощренности зла. Второй принимает на себя ответственность суждения. Но личная ответственность оказывается неотличима от преданности проформе, столь же «героической»,

сколь и беспомощной. На протяжении ста лет, прошедших после первой публикации повести Мелвилла, все ее интерпретации — и научные, и художественные (включая недавнюю постановку оперы Бриттена в Большом театре) — суть неустанное возобновление разбирательства над судьей и осужденным.

В секуляризованном мире источником самоуважения полагается способность к автономному выбору и деятельности, вдохновляемой «доверием к себе». В творчестве Мелвилла и ряда его европейских современников (А. Мюссе, Г. Бюхнер) неслучайно возникает образ памятника или статуи, которую «герой» сам из себя ваяет. Статуарность здесь — форма, трагически отделенная от содержания: внутри полого колосса прячется слабый, растерянный человек.

Проблема личного достоинства остро встает перед самим Мелвиллом как автором, который был «создан» и превознесен демократической публикой, потом резко разошелся с ней, продолжая, однако, видеть в ней значимого Другого. Отсюда интерес к образу гения, который либо отрекается от аудитории, либо взаимодействует с ней на правах неприятельного фигляра. Он как бы сам себя представляет на высшем суде, не будучи уверен в присутствии судии: это гиперответственное, не по чину, место вынужденно занимает читатель, создаваемый текстом, т.е. всегда только возможный.

Хулиета Газтаньяга

Национальный совет по научным и техническим исследованиям (CONICET);
Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

Сохранить достоинство в «политической работе» в Аргентине

Достоинство — ключевое понятие, циркулирующее в аргентинских политических дебатах: оно применяется к таким сферам, как государственное устройство (*polity*), политическая жизнь (*politics*) и политический курс (*policy*). Подобно невидимой королеве (в испанском языке *dignidad* — существительное женского рода), «достоинство» правит в национальных драматических спектаклях, идет ли речь о централизме, войне, разграблении, отчуждении земли, дискриминации, зависимости, неокOLONIALИЗМЕ, неолиберализме, экстрактивизме, иностранном долге, коррупции, экономическом кризисе, диктатуре, милитаризме, популизме, бедности, безработице, проблеме жилищных условий, образовании, здравоохранении и т.д. Но при том что в индивидуальном и коллективном сознании «достоинство» связывается с незавершенными историческими конфликтами, на политической сцене, как выясняется, лишь представители перонизма нашли серьезное применение этому термину, политизируя его морально-этическое начало и раскрывая его в различных сферах осуществления власти. Мы можем выявить как минимум три аспекта данного явления. Прежде всего «достоинство», в отличие от других перонистских ценностей, имеющих милитаристское происхождение, во многом

вдохновлено католической доктриной «человеческого достоинства». Второй аспект связан с государственной политикой: перонизм отводит «достоинству» центральное место в представлении о государстве, основанном на социальной справедливости, а также в идее перехода от дискредитировавшей себя элитистской демократии к государству, занимающему высшее положение над общественными классами и призванному быть двигателем национального прогресса. Третий аспект — превращение достоинства в политическое понятие, соотносимое с представлением о «работе» (работа как право, обусловленное достоинством, равно как источник заработной платы).

Цель моего доклада, основанного на этнографическом исследовании «политической работы» в современной Аргентине, — проанализировать «достоинство» в связи с деятельностью государства, уделяя при этом основное внимание ежедневным делам политиков, идентифицируемых как перонисты. Моя задача — показать, как эти субъекты социальной жизни производят «достоинство» в качестве пред-политической категории, вырабатываемой посредством «политической работы» с производством ценностей.

Структура выступления предполагает следующие этапы:

- 1) Сначала я покажу, как перонизм установил историческую связь между «достоинством», «социальной справедливостью» и «работой».
- 2) Далее рассмотрю «политическую работу» в этнографической перспективе, обнаруживая в понятии «достоинство» результат персональных и обезличенных действий в области ценностного производства. В этой связи я проведу анализ конкретного случая с «исполнением вековой мечты» жителей одной местности в Аргентине, которые прежде чувствовали себя «изолированными и брошенными». Я сосредоточусь на том, что именно политики имели в виду под «политической работой», когда обсуждали строительство 60-километрового виадука через реку Парана.
- 3) Под конец доклада вернусь к перонистскому представлению о связи между «достоинством», «социальной справедливостью» и «работой», чтобы показать, что оно является характерной чертой разделения между государством как общей социальной системой и правительством как аппаратом угнетения. Также я поставлю вопрос о том, в какой степени мы склонны думать о государстве как локусе политической работы, и о том, можно ли осмыслить его сложную природу, если перейти от разоблачающих риторических или циничных «приговоров» к процедурному выявлению «ценностей-в-действии».

Томаш Гланц
Цюрихский университет, Швейцария
Мультипликация достоинства

Эстетическое и политическое измерение мультипликационных фильмов в восточной Европе последних 70–80 лет отличается убедительностью приемов и позиций, выходящих далеко за пределы развлекательной культуры для детей. Современность цифровой репрезентации и видео-арта открывает в этом плане новые перспективы развития радикальной визуальной поэтики и ее политических импликаций.

В предлагаемом докладе рассматривается кинематографическая мультипликация как зона, в которой проблематика человеческого достоинства и его современных толкований пользуется особой значимостью. Важным при этом кажется интерес не только к советскому опыту (Ромашева и др.), но именно сопоставительный европейский ракурс, учитывающий особенности наследия закрытого общества.

Развитие мультипликационных практик в эпоху раннего кино совпало с эпохой авангарда, а также с развитием тоталитарной пропаганды (Дзига Вертов и др.). Однако вскоре начала действовать «субверсивная» линия в эстетике и философских подтекстах и амбициях мультипликации. Учитывая, что личность в мультипликации, в отличие от игрового кино или театра, создается без связи с эмпирическим прототипом или носителем, в связи с отсутствием отношения «актер — персонаж» и в связи с полной условностью художественной репрезентации, образ человека в мультипликации строится «с нуля». Этот закон жанра позволил некоторым художникам радикально переосмыслить не только воспроизведение тела или движения, но также и общественную позицию индивидуума. В субкультуре мультфильма формируются стратегии противостояния тоталитарному программированию личности и выстраивается образ человека, не вписывающегося в навязываемые модели и ценности. Любопытным примером диссидентского фантома является чешский фильм, опирающийся на антифашистский фольклор 1940-х годов («Pérák a SS», «The Springer and the SS», реж. Иржи Брдечка и Иржи Трнка, 1946).

Анализ канонических произведений мастеров советской мультипликации (Федора Хитрука, Юрия Норштейна или Андрея Хржановского), а также современное наследие их творческого подхода приобретают другой смысл, когда они рассматриваются в рамках выдающихся достижений других (восточно-)европейских кинематографических школ и мастерских — в этом плане пока очень мало серьезных исследований. (Особый интерес представляют собой школы югославской, польской, венгерской, чехословацкой мультипликации: Душан Вукотич и студия «Загреб-фильм», Томаш Багиньский, Марцель Янкович; студии чехословацких

классиков, таких как Карел Земан, Иржи Трнка, Гермина Тырлова, Иржи Барта, Ян Шванкмайер).

Часть продукции мультипликационных фильмов развивалась в Восточной Европе начиная с 40-х годов XX века на периферии официальной культурной политики. Благодаря экспериментальному характеру самих выразительных средств (которые с семиотической точки зрения привлекли в 1970-е годы внимание Юрия Лотмана, но тем не менее остаются до сих пор недостаточно исследованными в рамках именно антропологического измерения гуманитарных наук), цензурные механизмы в этой области работали менее агрессивно. В разных странах советского блока сформировались направления, развивающие язык мультипликации не только находчиво в эстетическом плане, опираясь зачастую на традиции европейского и русского модернизма и авангарда, но и смело в плане политическом. Антитоталитарный пафос шедевров восточноевропейской мультипликации и концептуализация роли индивидуума и человеческого достоинства являются результатом самых разнообразных практик, некоторые из которых более подробно и наглядно освещаются в докладе на основе конкретных примеров как исторического материала, так и современных работ художников, работающих в области видеоарта и мультипликации.

Линок Горалик

НИУ ВШЭ; МВШСЭН, Израиль

Fashion shaming: между оценкой костюма и оскорблением личности

Fashion-shaming (негативная оценка чужого костюма) становится под влиянием ряда общественных факторов одной из немногих легитимизированных форм выражения пассивной или активной агрессии в адрес как знакомых, так и незнакомых людей в современном западном обществе. По мере того, как поле допустимости негативных высказываний в адрес частного или общественного лица сужается, делая фактически запретными или крайне спорными темы «неидеального» тела, гендера, этнической принадлежности, семейного статуса и романтического поведения, тема несоответствия идеального костюма требованиям вкуса, момента или общественных норм становится инструментом для высказываний, выходящих далеко за пределы сугубо вестиментарных оценок.

Доклад предлагает рассмотреть причины этого явления, механизмы работы fashion-shaming'a, общественные дискурсы, существующие в этом пространстве, модели поведения агрессоров и копинг-стратегии жертв.

Наталья Граматчикова
Институт истории и археологии УрО РАН;
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Достоинство, гордость, доверие
и умение «быть живым»
в (авто)биографических текстах о 1930–1940-х годах

Материалами исследования являются архивные фонды первого директора «Уралмашинстроя» А. Банникова (1895–1932); инженера УЖКХ соцгорода Уралмаш В. Анфимова (1900–1991), основателя Кондо-Сосьвинского заповедника В. Васильева (1892–1942), научного сотрудника этого заповедника В. Раевского (1909–1947), а также документальная повесть «Жизнь одной советской семьи» (2005) С. Наварской (1932–2013), инженера Уралмаша, изобретателя стиральной машины «Малютка», куда включены фрагменты дневниковых записей ее родителей, и «Воспоминания о детстве» геолога Н. Введенской (1913–2015).

В биографическом дискурсе категория достоинства *рецептивна*: ей сопутствуют понятия *широкого культурного кругозора*, причастности *творчеству*, *эстетическая* чувствительность, чувство *юмора*, ощущение «*богатства жизни*», душевная *стойкость*, личная скромность, *особые коммуникативные качества* (сочетание деликатности и доброжелательности с твердостью нравственных оценок), а также специфика переживания времени (скорее *длящегося*, нежели ограниченного малым сроком).

Как личностная и поведенческая черта, достоинство в этот период демонстрирует поколенческую зависимость, трансформируясь в синонимичные, но не тождественные *гордость*, *ответственность*, *активность* и др. «Линия перелома» проходит по линии катастрофических социальных потрясений: харизматичными первыми директорами «дореволюционной формации» время переживается обостренно, сценарии *ранней*, отнюдь не жертвенной, *гибели* прописываются в дневниках. Сложнейшие обстоятельства переламываются «в свою пользу»; ситуация предельной личной ответственности совпадает со смещением ценностного баланса с индивидуального на *коллективное* (и *корпоративное*); все качества «играются на *крещендо*», *гипертрофируются*: на место достоинства чаще претендует *гордость*. Уверенность в собственных силах сопряжена с близостью *агрессии*. Ситуации *колебаний*, *сомнений*, *усталости* воспринимаются крайне болезненно и проживаются как *умирание*, ощущение «*смерти в себе*».

Важно, что ощущение этого качества в другом производило почти магическое впечатление на собеседника 1930–1940-х годов и не забывалось спустя годы, неизменно отражаясь в текстах, — возможно, потому, что само обладание им подразумевало иную, чем это было принято тогда, «систему координат» и демонстрировало иное отношение к смыслу жизни, ее ценностям, иной *уровень доверия* к людям и к миру в целом.

Элисон Мэтьюс Дейвид
Университет Райерсона, Канада
Достоинство без одежды:
вынужденное обнажение в эпоху досмотра

Важнейшей составляющей нашего чувства личного достоинства является возможность носить одежду, которая, как нам кажется, соответствует нашему возрасту, гендерной идентификации, убеждениям и социальному статусу. Однако когда мы путешествуем, мы зачастую раздеваемся. Некоторые предметы одежды мы физически снимаем, чтобы обеспечить видимость и различимость нашего тела, а рентгеновские лучи и сканирующие устройства способны видеть сквозь наши защитные слои. В современных социальных и политических условиях вынужденная необходимость снимать отдельные предметы одежды (например, обувь, верхнюю одежду и шарфы в аэропорту) — это банальная, повседневная процедура. Большинство путешественников спокойно соглашаются и молчаливо сносят следующую за этим унижительность досмотровых сканеров и личного досмотра, которые позволяют «видеть» и «ощущать» наше тело под одеждой. Эти досмотры с раздеванием — современное воплощение фукольдьянского понятия всевидящего взгляда и осязаемое проявление властных структур.

В докладе будут рассмотрены исторические траектории и смыслы, связанные с принудительным раздеванием. Беспомощное и криминализованное тело издавна было обнажено по экономическим и символическим причинам. Этот процесс обнажения воплощает собой в буквальном смысле оголенную власть — говорим ли мы об обнищавших молодых девушках в викторианской Англии, которые перепродавали снятую с маленьких детей одежду (преступление, получившее название «раздевание детей»), или о заключенных, лишенных своей уличной одежды и одетых в заметные за версту униформы. Заключительная часть доклада будет посвящена рассмотрению двух примеров, которые задают чрезвычайно актуальный сегодня вопрос о властной динамике одежды и достоинства при пересечении границ. Первый случай — фэшн-съёмка Стивена Мейзела «Чрезвычайное положение», сделанная в декорациях пункта досмотра в аэропорту (Vogue Italia, 2006), второй случай — перформанс Шарифа Уэкеда «Chic Point: мода для израильских пропускных пунктов», который включал в себя фэшн-шоу, вдохновленное процессом досмотра мужчин, пересекающих границу Израиля и Палестины.

Андрей Десницкий

Институт востоковедения РАН

Достоинство человека: библейские истоки

Говоря сегодня о достоинстве человека, мы нередко слышим голоса тех, кто выступает от имени традиционных религий и утверждает, что в них человек наделен глубочайшим недостойнством перед лицом Божества, что он лишен прав и обладает только обязанностями. Но если обратиться к первоисточникам, прежде всего к Библии, нетрудно убедиться, насколько далека такая позиция от истины.

По сути дела, Библия — первый сборник текстов в истории человечества, который провозглашает принцип достоинства человека вообще (а не конкретных лиц или категорий людей). Оно проистекает прежде всего из восприятия человека как уникального и единственного образа Божьего в этом мире. И даже история о Ноевом потопе, которая сообщает о греховности и гибели человечества, завершается описанием нового человечества как единой семьи, вступающей в отношения договора (завета) с Богом.

Еще дальше идет в этом отношении Новый Завет, который провозглашает высшей целью спасение каждого человека, а не строительство империй, создание институтов, политический успех или экономическое процветание. По сути дела, именно эта идея была настолько привлекательна для людей самого разного происхождения и положения, что христианство из гонимой стало в Риме господствующей религией менее чем за три века.

Одна из насущных задач нашего времени и в нашей стране — возвращение к истокам христианской культуры, но не в поисках подпорок для текущих идеологических конструкций, а ради понимания того, в чем заключаются ее базовые ценности и какое значение они могут иметь в сегодняшнем мире. Безусловно, понятие достоинства человека — одна из таких ценностей.

Ксения Ельцова

Высшая школа европейских культур РГГУ;

«Новое литературное обозрение», Москва

Семиотика избранности: дискурс о моде в качественных медиа (по материалам приложения «Стиль» издания «Коммерсантъ»)

Практики обозначения высокого социального статуса (в том числе их дискурсивное измерение) являются в постсоветской России зоной особой чувствительности. В силу ряда обстоятельств, на протяжении минувших после распада СССР почти тридцати лет потребность россиян в образцах обозначения своей принадлежности к наиболее влиятельным и благополучным слоям общества остается неизменно

высокой. Отвечая на общественный запрос и одновременно формируя его, постсоветские медиа становятся ключевыми инструментами конструирования и каналами распространения новых массовых представлений об успешности, престиже, высоком социальном статусе и т.п. Медийные образы элитарности и избранности являются востребованным продуктом, который СМИ поставляют своим аудиториям. Наиболее влиятельными медиа в этом отношении становятся издания/приложения, посвященные вопросам образа и стиля жизни. Притом в рамках подобного конструирования особое место занимают материалы, посвященные моде, так как мода — ключевой механизм символизации социальных иерархий и статусных отличий в современных обществах.

Доклад будет посвящен анализу дискурса обзоров модных показов (сезонных коллекций мужской и женской одежды), публиковавшихся в течение «посткризисного» 2009 года в приложении «Стиль» к изданию «Коммерсантъ». Семиотика избранности — один из аспектов исследуемого дискурса, который содержит в себе информацию о социально-групповых ценностях воображаемой аудитории и способах эти ценности обозначить через практики потребления «модного». Для анализа были отобраны материалы именно за 2009 год — время, когда финансово-экономический кризис начинает восприниматься в российском публичном пространстве в качестве ощутимо влияющего на экономику России и, как следствие, становится одной из наиболее заметных медийных тем. Экономический кризис в данном случае рассмотрен как ситуация угрозы status quo элит (воображаемых и/или воспринимающих себя в качестве таковых существующих социальных групп), которая, соответственно, требует более интенсивной и четкой, чем обычно, артикуляции дискурса принадлежности к группе. В частности, в текстах о практиках потребления, напрямую связанных с символизацией статуса.

Наиболее продуктивной для работы с вопросом о структуре анализируемого дискурса представляется комбинация подходов культурных исследований, в которой ведущим является метод анализа дискурса, дополняемый по необходимости оптикой и инструментарием семиотических, нарративных и т.п. техник анализа медийных текстов.

Ключевой вывод по результатам проведенного исследования следующий: проанализированная система рекомендаций позволяет определить тех, кому они адресованы и кто согласился бы им следовать, как «сильных», «целеустремленных», «деятельных», «жизнеспособных» людей — «хозяев жизни» («мужественных мужчин» и «настоящих женщин», которые «не прикидываются бедными»). В сложной ситуации эти люди способны проявить «силу духа» и «сдержанность». При этом именно «сдержанность» несет в себе ключевую смысловую нагрузку.

«Сдержанность» понимается как способность сохранять хладнокровие и риторически обозначена:

- предпочтением лаконичного кроя, простых и ясных форм, минималистичных силуэтов, благородных тканей сдержанных оттенков;

- особым вниманием к способу носить одежду («непринужденно», «свободно», «ответственно»);
- сосредоточенностью (в подразумеваемых условиях кризиса) на семье и друзьях — «домашних обедах, семейных вечеринках, тихом семейном отдыхе» (а не на «основных светских маршрутах»).

Фактически, «потребление сдержанности» является ведущей рекомендацией дискурса и представляет собой маркер опорной ценности, которая и берет на себя ключевую роль в символизации социально-групповой идентичности, а именно — «приверженности истинным ценностям» в формулировке анализируемого дискурса.

Олег Журавлев

Тюменский государственный университет;
Лаборатория публичной социологии, Санкт-Петербург

«Достоинство» как категория политики подлинности

Теоретики «политики постправды» определяют последнюю через противопоставление эмоций фактам. По их мнению, если совсем недавно, в XX веке, люди доверяли фактам, то теперь их мотивами и оценками управляет эмоциональная вовлеченность и цинизм.

В то же время украинский «Евромайдан», российское движение «За честные выборы» и другие протесты, причем не только в посткоммунистических странах, выстраивали свою легитимность в опоре на риторики, соединяющие репрезентацию эмоционально насыщенного личного опыта гражданского «пробуждения» и своеобразной этики фактов, говорящих сами за себя.

Категория достоинства была одной из центральных в этих риториках. Так, в случае «белоленточного» движения первичным мотивом участия был опыт унижения достоинства голосующих со стороны власти. Протестующие, совершившие личную, моральную инвестицию в акт голосования против Единой России, заявляли о том, что государство унизило их, украв их голоса, доказательством чему служат многочисленные «факты», зафиксированные в роликах на Youtube, статистических таблицах распределения голосов по участкам и т.д. Участники украинского Майдана говорили о том, что причиной их возмущения был не отказ государства Януковича от «европейского выбора», но оскорбление граждан, от которых скрывали факты и детали международных переговоров и планов на будущее.

Что объединяет между собой эти, казалось бы, противоположные способы обоснования своей политической и гражданской позиции — эмоционально-личный и отстраненный, опирающийся на «факты»? На мой взгляд, эти два способа обоснования легитимности протеста и, соответственно, эти две стратегии

делегитимации власти роднит отсылка к подлинности — внеидеологической правде факта и искренности переживания. Политика подлинности — это новый стиль аполитичной протестной политики, распространенной, в первую очередь, в постсоветских странах. Его характеризует отказ от идеологического самоопределения и недоверие к политическому представительству; примат коллективных эмоций над политическими программами и социальными требованиями; особый режим достоверности, предполагающий доверие к личному опыту и «фактам, говорящим самим за себя» в противовес «идеологиям» и «пропаганде». Категория «достоинства» сообщает универсалистское значение и легитимность политике подлинности в условиях деполитизации и девальвации идеологического языка.

Андрей Заостровцев

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург

Буржуазное достоинство как первоисточник экономического роста: концепция Дейдры Макклоски

Революционный поворот в объяснении первопричины перехода к ускоренному и устойчивому экономическому росту состоялся в книге экономиста-диссидента из США Дейдры Макклоски «Буржуазное достоинство: почему экономисты не могут объяснить современный мир?».

Причиной «возвышения Запада» по Макклоски, как писал в рецензии на книгу 2010 года известный экономист Питер Беттке, оказался «широко распространенный и значительный сдвиг в общественном мнении в отношении жизни и деятельности буржуазии». В чем же заключался этот сдвиг? Произошло то, что Макклоски называет «Буржуазной переоценкой»: «Двойное этическое изменение, придающее достоинство и свободу обычной буржуазной жизни, привело к господству смысла и восприимчивости, благодаря которым мы до сих пор извлекаем выгоду».

Главу о том, что изменило мир, верная риторическому подходу Д. Макклоски назвала очень просто: «Это были слова». Решающей оказалась радикальная перемена в «общественных разговорах» (*public talks*), отражавшая сдвиг в доминирующих идеях и общественном мнении. «Изменения в риторике породили революцию в том, как люди видят себя и как они видят средний класс, Буржуазную Переоценку. Люди стали терпимыми к рынкам и инновациям». Когда быть «буржуазным» в глазах общества стало не стыдно, а, напротив, достойно и почетно, был дан старт промышленной революции и современному экономическому росту.

Когда достоинство и свобода обретают реальные черты, это порождает инновации. Одна из глав «Буржуазного достоинства» прямо так и называется: «Либеральные идеи вызывают инновации». «Идея достойной и свободной буржуазии привела к идеям парового двигателя, массового сбыта и демократии». При этом

люди стали толерантными к рынкам и инновациям. В то же время именно инновации, а не простое наращивание промышленных инвестиций, имеют решающее значение в вопросах экономического роста. И, соответственно, ведут к «Великому обогащению».

В итоге, опираясь на приведенные выше суждения Д. Макклоски, мы попытаемся схематически представить ее видение развертывания цепочки событий, ведущих от двух тысячелетий застоя к современности:

Все начинается с радикального изменения в риторике, в которой на смену одному герою (воину-аристократу) приходит другой (буржуа с его коммерцией). Обретая в общественном мнении достойный облик, новый герой добивается свободы, ставя государство в узкие рамки служения во имя обеспечения общих гарантий хозяйственной жизни. Это создает условия для потока инноваций, выводящих на траекторию устойчивого экономического роста и, как следствие, порождающих немыслимый прежде уровень массового благосостояния («Великое обогащение»).

Сергей Иванов

НИУ ВШЭ, Москва; СПбГУ

Было ли в Византии понятие человеческого достоинства?

Понятие «*dignitas humana*» было впервые сформулировано Цицероном, однако, при всей зависимости последнего от эллинской философии, никакого греческого прототипа у этого словосочетания нет. В византийское время, с другой стороны, мы встречаем оборот «*axia anthropine*», который, на поверхностный взгляд, кажется полной аналогией «*dignitas humana*», но в действительности совсем ему не соответствует. Доклад будет посвящен анализу этого оборота, а также термина «*axiorgereia*» (также византийского), который соответствует понятию «человеческое достоинство» в современном греческом языке.

В науке написано достаточно про судьбу «человеческого достоинства» на латинском Западе (через Фому Аквинского к Ренессансу). Однако византийский материал остается не затронут. Всем памятна блестящая работа Сергея Аверинцева «Унижение и достоинство человека». Но никто пока не поставил вопроса о том, как теологические постулаты срабатывали на уровне повседневной жизни.

Элвис Имафидон

Институт специальных исследований Йоханнесбурга, ЮАР

**Онтологические и этические
унижения достоинства Другого: дискриминация
по нарушению здоровья и ксенофобия в Африке**

Обособленные сообщества и замкнутые миры развивают, поддерживают и культивируют среди своих членов представление о другом, о различии, которое является и онтологическим, и социальным. Такая репрезентация другого может быть ложной и не соответствовать фактам, однако она влечет за собой реальные последствия для другого. В подобных сообществах репрезентация различия оказывается неотъемлемой частью представлений о моральном долге перед другим. Юм, Мур и их единомышленники скептически смотрели на возможность закрыть брешь между «есть» (онтологические репрезентации другого) и «должен» (моральный долг по отношению к другому), однако в своем докладе я покажу, что эта столь тщательно оберегаемая западной философией брешь отсутствует во многих человеческих сообществах. Таким образом, мы не можем говорить об уважении или неуважении достоинства другого в конкретном обществе вне контекста онтологических убеждений членов этого общества. Аргументируя данный тезис, я приведу в качестве примера два типа опыта бытия другим в африканских сообществах — речь пойдет об альбинизме и ксенофобии. Жестокое обращение, унижение, стигматизация и презрение по отношению к людям с альбинизмом и иностранным гражданам в африканском сообществе по существу следует из онтологической репрезентации инаковости этих людей в рамках сообществ. Поскольку члены сообщества, как правило, без сомнений усваивают представление о другом, я полагаю, что им надлежит обратиться к основному принципу просвещенческого проекта по Канту — *sapere aude*, — что способствовало бы устранению зазора между фактами и репрезентацией, а следовательно, и уважению достоинства другого.

Алексей Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Категория достоинства в мемуарах петрашевцев

Анализ категории достоинства в дискурсе «первых русских социалистов» осуществлен в рамках исследования семиотики поведения петрашевцев. В последние десятилетия этот материал, нашедший своеобразную интерпретацию в советской исторической и филологической науках, практически не становился объектом рассмотрения. Значительная по своему наполнению социально-философская сфера, позволяющая по-новому осмыслить дискурс оппозиции 40-х годов XIX века, требует новых подходов.

Как известно, большинство осужденных петрашевцев, или проходящих по делу М.В. Буташевича-Петрашевского, сообщали своим воспоминаниям аксиологический компонент. Русские фурьеристы, называемые «бедными идеалистами» (А.И. Пальм), «честными фантазерами» (И.И. Венедиктов), «несчастливыми, заживо погребенными в мрачной могиле» (И.Л. Ястржембский), одновременно уповающими на то, что «честный смелый голос найдет путь к сердцу цареву» (Ibid.), предстают жертвами, многократно подчеркивающими значение общечеловеческих ценностей и гражданских максим — в том числе и достоинства. При этом большинство петрашевцев декларативно отказываются от следования сколько-нибудь самостоятельной политической программе, многие из них уделяют значительное место критике учения Фурье, а также насмешливо и сатирически описывают споры, проходящие на вечерах Петрашевского.

На материале черновиков, записок и мемуаров петрашевцев прослеживается формирование концептосферы достоинства, слов-операторов и слов-шифтеров, организующих сферу публичной и частной коммуникации. Проведенный анализ показывает, что в так называемом «заговоре идей» отсутствовало денотативное ядро. Соотнося дефиницию «достоинство» из словаря М.В. Петрашевского с формулами других петрашевцев, исследователь приходит к выводу об отсутствии единой идеологической платформы. Центральный эпизод, известный в первую очередь по биографии Ф.М. Достоевского, — чтение знаменитого письма В.Г. Белинского, — позволяет проиллюстрировать этот тезис через анализ индивидуальных интерпретаций и трактовок данного документа, ставшего своеобразным медиатором русской оппозиции 1840-х годов.

Елена Марасинова

ИРИ РАН, НИУ ВШЭ, Москва

Понятие «шельмование» в России XVIII века

Шельмование как наказание, распространенное в России XVIII века, особенно в первой половине столетия, предполагало не физическое уничтожение преступника, а уничтожение человека как члена общества и унижение его достоинства. «Воинский устав», «Морской устав», «Генеральный регламент» и ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с «тяжелым чести нарушением». Позорное клеймо «ошельмованного» человек получал в результате оскорбительных для личностного и сословного достоинства ситуаций: пытка, телесные наказания, «пребывание в руках палаческих» или просто обнажение в публичном месте; именованное «вором» (что значит «шельма»), прибитое на виселице имя; переломленная от палача шпага, пощечина в присутствии свидетелей, испрашивание прощения на коленях и т.п.

В начале XVIII века, когда собственно и стали практиковать такое наказание, как шельмование, отношение к осужденным, «из числа добрых людей извергнутых», строго регламентировалось. Эти несчастные оказывались как бы вне закона и общества — их не разрешалось «в какое-либо дело, ниже свидетельство принимать», им нельзя было находиться на статской или военной службе, их без всяких последствий можно было ограбить и избить, поскольку они не имели права обращаться в суд с челобитной. Но главное наказание для ошельмованного заключалось, по мысли Петра, в изоляции от людей — под угрозой лишения чинов и ссылки на галеры запрещалось его «посещать и в компании допускать», «ибо, когда увидит, что он со своею братию в равенстве, то скоро забудет все, что ему учинено».

После правления Петра отношение законодательства не только к вступающим в контакт с публично наказанными, но и к самим ошельмованным стало более лояльным, а вернее сказать, прагматичным. В 1740 г. разрешено было жить в Петербурге всем битым кнутом, кто имел в столице свой дом или торговые промыслы. Иными словами, столица, а впоследствии Москва и губернские города, закрывались только для так называемых публично наказанных беспаспортных разбойников и воров, людей подозрительных, праздно шатающихся, от которых ничего кроме злодейства быть не может.

Показательно, что в царствование Екатерины понятие «ошельмованные» в текстах указов полностью вытесняется определением «публично наказанные» с немаловажным добавлением — «по суду». Местом выселения для получивших удары кнута становятся уездные города, где они зачисляются в рабочие люди. Петровское требование объявления ошельмованных вне закона и их психологической изоляции ни разу не воспроизводится в законодательстве второй половины XVIII столетия.

Таким образом, настойчиво внедряемое Петром шельмование означало изгнание осужденного из общества и лишение его какой-либо защиты закона. Несмотря на то, что эта мера наказания так и не укоренилась в судебной практике, очень важно, что своеобразным «общественным проклятием» осужденного становилось не отсутствие милости монарха, а возможность апеллировать к правосудию и поддержке общественного мнения, что влияло на формирования правового сознания современников.

Авишай Маргалит

Еврейский университет в Иерусалиме, Берлин

Манипуляция и достоинство

Как показал Х. Виршубский, для римлян быть свободным означало не быть рабом. Свобода являлась необходимым, но далеко не достаточным условием для

того, чтобы считать ту или иную личность наделенной достоинством. Достоинством обладали только те, кто принимал участие в публичной жизни и занимался политикой. И только у Канта мы находим интерпретацию свободы (в значении автономии) как свойства, благодаря которому люди становятся носителями достоинства. Свобода по Канту — не социальный статус субъекта, но его способность быть самозаконодателем. Автономия как свобода сохраняет римское понимание достоинства как политического свойства, превращающего каждого индивида в политическую единицу.

Очевидно, что индивиды, подвергающиеся тому или иному принуждению, не являются автономными, их достоинство тускнеет. Но как быть с людьми, которыми манипулируют?

Этот вопрос требует срочного этического и политического ответа в связи с тем, что манипуляция повсеместно заменила собой принуждение как главный способ подчинить волю народа воле других.

Доклад будет попыткой ответить на этот вопрос.

Михаил Немцев

Интернет-журнал «Гефтер.ру», Москва

**Достоинство и уязвимость:
комментарии к концепции Гаймона Беннета**

Современные концепции достоинства часто предполагают, что его важнейшее свойство состоит в уязвимости. Достоинство считается внутренне присущим любому человеку по факту его рождения (и это очевидно), при этом постоянно находящимся под угрозой умаления или терминального повреждения (которое выражается в унижении, «лишении» человеческого достоинства и т.д.). Из этого следует, что утверждение человеческого достоинства в первую очередь состоит в обеспечении его защиты. Представление о достоинстве как аспекте человеческой «уязвимости» сформировалось в XX веке вместе с развитием институтов защиты человеческого достоинства. Мой доклад будет посвящен генеалогии и структуре такого отношения.

В первой части доклада я представлю критическую концепцию Гаймона Беннета, объединяющего генеалогические исследования субъективности у позднего Мишеля Фуко и опыт критики теологической интерпретации развития современной биоэтики. В своей недавней книге («Technicians of Human Dignity», 2016) Беннет сравнивает подходы католической церкви, ООН и Президентской комиссии по биоэтике в США и описывает «пасторализм» как практическое отношение влиятельных международных институтов к человеку. Пасторализм с необходимостью основывается на представлении о достоинстве как антропологическом свойстве, требующем постоянного обеспечения, обычно недопроявленном, недостаточном.

Пасторализм может быть источником легитимности практикующих его международных институтов, поэтому они заинтересованы в распространении своего понимания концепции «достоинства». Однако весьма существенно то, что без них всеобщее распространение такой концепции в ее современном виде, вероятно, вовсе не состоялось бы. Именно благодаря экспансии этих институтов «достоинство» стало общепризнанной ценностью в публичной политике. Оно закрепляет «уязвимость» как существенное человеческое качество.

Как можно иначе понимать достоинство? Во второй части доклада я рассмотрю альтернативную, «республиканскую» концепцию достоинства, разрабатываемую Жаном-Вильямом ван дер Рийтом. В рамках этой интерпретации уязвимость не может быть первым свойством достоинства, и потому оно не требует «пасторального» институционального отношения. Данный подход может помочь в ограничении экспансии биополитического дискурса, оправдывающего «пасторальные» институты.

Евгения Никитенко

ИВКА РГГУ; ШАГИ РАНХиГС, Москва

**Оскорбление достоинства и восхищение
самоконтролем: персидские тексты
раннего Нового времени о достоинстве**

До нас дошло множество исторических источников, созданных на территории современных Ирана, Афганистана, Средней Азии и Пакистана. Исторические хроники, мемуары, поэтические антологии и агиографические произведения хранят описания поведения людей в различных конфликтных ситуациях, иногда — авторские ремарки. В роли авторов подобных текстов обычно выступают придворные, члены правящего рода или представители образованного «среднего класса»; таким образом, рассматриваемые источники позволяют нам познакомиться с системой ценностей интеллектуальной элиты той эпохи.

Известный хадис гласит: «Каждый человек рождается в своем естественном состоянии (*фитра*), и только потом его родители делают из него иудея, христианина или огнепоклонника». Обычно это утверждение приводится как аргумент в поддержку тезиса о том, что ислам предполагает изначальное равенство всех людей. На практике же в интересующий нас период существование неравенства, обусловленного религиозной принадлежностью, степенью личного благочестия, природными способностями, воспитанием и т.п., воспринималось как данность; отношение к каждому отдельно взятому человеку определялось сочетанием этих факторов. Таким образом, представление о достоинстве было тесно связано с понятием репутации, которую необходимо было постоянно поддерживать и защищать от посягательств.

В персоязычных текстах интересующего нас региона и периода можно проследить представление о достоинстве двух типов: личном и «корпоративном». Первое учитывало в основном личное благочестие и профессиональные навыки. Для второго типа было важно место рождения, происхождение, религиозные убеждения, личность духовного лидера или покровителя и т.п.

В докладе будут рассмотрены различные ситуации, связанные с угрозой чьему-либо достоинству, и способы самозащиты. Будет отмечено, что в случае «корпоративного» достоинства могут существовать как внешние, так и внутренние угрозы: оскорбление другого члена сообщества или его главы воспринимается как личное оскорбление; неподобающее поведение члена сообщества представляется как наносящее ущерб репутации сообщества и пресекается. Оставив в стороне вопросы семейной чести, мы обратимся к представлению о достоинстве профессионала, о патриотизме и верности лидеру сообщества, рассмотрим осуждаемые и одобряемые личные качества.

Мы увидим, что одобряемые методы защиты собственного достоинства не всегда благородны с нашей точки зрения, — и здесь уместно вспомнить традиционный упрек в адрес «Гулистана» Са́ди за двойные стандарты. Особое внимание будет уделено слову как наиболее эффективному оружию для самозащиты и лучшему средству создать или разрушить репутацию.

Также мы увидим, что лидер сообщества стоит над системой правил или же подчиняется иной системе правил. Открыто критикуя лидера, член сообщества автоматически из него исключается, становясь соперником — человеком, с которым нужно бороться. Внутри сообщества также не существует всеобщего равенства: достоинство каждого измеряется размером его состояния, знаниями, профессионализмом, социальными связями, благочестием, физической силой и т.п. Почет оплачивается деньгами и ответственностью.

Источники также дают возможность сделать некоторые наблюдения, касающиеся вопроса отрицания достоинства другого или дегуманизации. Начало XVI столетия ознаменовалось выходом на историческую сцену шиитской династии Сефевидов и ростом религиозной нетерпимости. Узбекская суннитская династия Шейбанидов использовала тактику объявления джихада в войнах как с Сефевидами, так и с казахами, таким образом провозглашая отчуждение их имущества дозволенным и их убийство разрешенным. Источники сохранили примеры обличительных речей, дегуманизирующих противника и направленных как против шиитов, так и против суннитов, при этом во многом схожих.

Лариса Никифорова, Анастасия Васильева
Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург
**Иконография достоинства и хореографические позы
в русском портрете XVIII века**

История категории достоинства развивалась от аристократической модели сана и статуса к демократической модели достоинства личности, от внешних форм выражения к внутренней силе духа. Идею телесного воплощения достоинства не стоит считать абсолютной архаикой. Во-первых, важнейшим аспектом уважения является поведение. Во-вторых, метафоры движений, поз, телесного взаимодействия играют важную роль в дискурсе достоинства. Несмотря на то, что «достоинство — это не какая-нибудь вещь видимая, которую можно было бы взять в руки» (Н.В. Гоголь, «Записки сумасшедшего»), его можно растоптать, уронить, задеть, поддержать. В культуре же XVIII века достоинство и культура тела теснейшим образом связаны между собой.

Важнейшим источником наших представлений о внешнем выражении достоинства в русской культуре XVIII века служит портрет. Рискнем предположить, что именно знаками высокого достоинства и статуса являются такие загадочные и пока не объясненные элементы русского портрета, как танцующие позы, а иногда и хорошо узнаваемые позиции классического балета. Речь идет, например, о портретах Петра Первого кисти Готфрида Кнеллера (1698, Кенсингтонский дворец, Британская королевская коллекция), Петра II Иоганна Люддена (1728, Государственный Русский музей), Петра III Алексея Антропова (1762, Государственный Русский музей), великого князя Павла Петровича Александра Рослина (1777, Государственный Эрмитаж). Похоже, именно танцевальные позиции ног запечатлены в портрете великой княгини Марии Федоровны Александр Рослина (1777, Государственный Эрмитаж) и портретах Екатерины II Ф.С. Рокотова (1780-е, Государственный Эрмитаж) и В. Эриксона (1766–1767, Национальная галерея Дании).

Хореографические позиции рук и ног, кодифицированные во французской балетной школе во второй половине XVII века, не были собственно театральными позами, но положениями тела в благородном танце и визуальными знаками аристократизма. В этом качестве они превратились в «общее место» иконографии парадного портрета и оставались таковыми примерно до 1760-х годов. Танцевальные позы в русском императорском портрете — это результат культурного трансфера, и похоже, что на русской почве такие знаки телесного достоинства опережали реальную практику обучения благородному танцу на основе пяти позиций ног и рук.

В докладе на материале портрета, а также на материале сочинений по искусству и руководств по обучению танцу будет представлена попытка обобщить семиотическую природу хореографических позиций в русском портрете XVIII века, уточнить представления о танцевальных позах и движениях, выражающих достоинство, показать его оттенки «в рассуждениях стана и лица». Напомним,

что знаменитый «монолог» портретов у Роже де Пиля («Смотри на меня, я есть непобедимый царь, окруженный величием...») относится к положению тел. Выводы доклада касаются также вопросов изменения знака в результате культурного трансфера: свертывания референта и свертывания значений в новой культурной среде, а также повышения статуса знака по сравнению со средой происхождения.

Эрман Обье

Астонский университет, Великобритания

Политика достоинства в Китае XXI века

Понятие «достоинство» (zūnyan 尊严) в связи с правами человека распространилось в интеллектуальной среде Китая в середине XX века, однако затем почти исчезло из употребления в период гонений на интеллектуалов в середине 1950-х гг., при правлении Мао Цзедунa (1945–1976). В 1990-е гг. сформировалось новое поколение китайских интеллектуалов, на которое оказал влияние общемировой контекст, исторически и политически более благополучный в отношении защиты прав человека; в этих условиях понятие достоинства стало чаще употребляться как интеллектуалами, так и учёными, правозащитниками и простыми гражданами, становясь частью контрдискурса. Оно служило людям для защиты своих индивидуальных прав, присущих им как китайским гражданам и как человеческим существам, пострадавшим от рук китайской партии-государства. При Ху Цзиньтао (2002–2012) и Си Цзиньпине (с 2013 по наст. время) китайское правительство занялось популяризацией Китайской мечты (zhongguo meng 中国梦), основанной на идее о «великом возрождении китайской нации»: согласно ей, «столетие унижений» (bainian guochi 百年国耻) Китая закончилось и Китай вернул своё «национальное достоинство» (guojia zūnyan 国家尊严) как «великую силу» (da guo 大国) XXI века.

В своём докладе я рассмотрю, как китайские граждане (такие как Лю Сяобо, лауреат Нобелевской премии мира 2010 г., находящийся в заключении, и другие правозащитники) стремились стратегически апроприировать благородный моральный аспект достоинства, который ранее ассоциировался с традиционной элитой императорского Китая. Эта апроприация была попыткой противопоставить свои моральные установки воззрениям злонамеренных «маленьких людей» (xiaoren 小人) — современных китайских чиновников, пропагандирующих грандиозную доктрину «национального достоинства» и при этом не обращающих внимания на индивидуальное достоинство китайского народа. Чтобы яснее представить властные отношения и изменяющиеся условия, в которых в данный момент истории оспаривается и переосмыляется общемировой дискурс достоинства, необходимо чётко обозначить различие между двумя понятиями достоинства, существующими в китайском языке: дискурс достоинства китайских жертв

несправедливости и абстрактную риторику национального достоинства, пропагандируемую партией-государством.

Мария Ониккина

независимый исследователь, Челябинск

Достоинство как ключевой концепт женских автодокументальных текстов о ГУЛАГе

Чувство собственного достоинства формируется в сознании человека в том числе за счет осознания возможности сохранить в памяти общества информацию о своих поступках и мыслях, осознания важности собственного опыта и его передачи другим поколениям. Концепт достоинства в воспоминаниях о советских лагерях играет ключевую роль, так как напрямую связан со стратегией выживания заключенных в целом и женщин-заключенных в частности. Таким образом, сохранение автодокументальных текстов о ГУЛАГе является важнейшей задачей гуманистического общества.

Концепт достоинства тесно связан с концептами *инициации* и *унижения*, которые зачастую совпадают в своем проявлении. Основная часть текстов посвящена не бытовому описанию каждодневных будничных занятий заключенных, а борьбе внутреннего Я с постоянными явными и неявными актами *деперсонализации*.

Женские автодокументальные тексты, помимо онтологической составляющей, хранят важнейшую информацию о социально-гендерных оттенках концепта достоинства. *Внешность, молодость, возможность стать матерью / потеря ребенка, физическое насилие, однополюе отношения* — вот далеко не полный список тем, раскрывающий его микросмыслы. Во многих воспоминаниях речь идет не только о сохранении достоинства в жизни, работе, человеческих отношениях, но и в умирании, захоронении, *памяти* об умершем. Не случайно авторы указывают на главную цель их повествования — *свидетельствование, сохранение памяти о погибших выжившими*.

Воспоминания о ГУЛАГе передают сложную картину психологического восприятия авторами двух сторон собственного положения и мироощущения: *враг, унижение, преступление* — с одной стороны, и *право, достоинство, личность* — с другой. Авторы пытаются осмыслить события, случившиеся с ними, найти им логическое объяснение. Возникает философское противостояние — *сохранить жизнь и сохранить достоинство*, а из этого противостояния рождается вопрос: можно ли сохранить жизнь, не сохранив достоинства? Можно ли, сохранив достоинство, сохранить и жизнь?

Алексей Попов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь;
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Казус Кости Гуманкова: интерпретации представлений о «чести» и «достоинстве» в советском выездном туризме

«Испытание за границей» являлось одним из самых изощренных и противоречивых методов проверки граждан СССР на их соответствие эталонному образу «нового советского человека». По сложившейся еще в 1930-е годы практике, перед выездом за границу граждане СССР (в том числе туристы) подписывали особый документ, в котором официально брали на себя обязательство «неуклонно соблюдать интересы Советского государства, строго хранить его государственную тайну, быть безупречным в своем личном поведении, высоко держать честь и достоинство гражданина СССР». При этом ключевые признаки (не)достойного поведения излагались в «Основных правилах поведения советских граждан, выезжающих за границу», сатирический пересказ которых можно найти в песне Владимира Высоцкого «Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в местком». Однако эти «Правила» охватывали лишь незначительную часть жизненных ситуаций, в которых мог оказаться советский человек за рубежом, что на практике создавало условия для возникновения многочисленных конфликтов, казусов и коллизий. Например, адюльтер с иностранцем однозначно попадал в разряд запрещенных деяний, в то время как общественная реакция на внебрачную связь двух членов туристской группы не была столь однозначной и во многом зависела от субъективной позиции ее руководителя.

В докладе на основе обширного комплекса источников, в первую очередь отчетов руководителей туристских групп, «выездных дел» отдельных претендентов, докладных записок о недостатках в организации выездного туризма, а также воспоминаний непосредственных участников будет предпринята попытка раскрыть следующие вопросы:

- 1) Конструирование образа «достойного представителя» Советского Союза за рубежом с помощью прямых норм и неявных механизмов отбора претендентов.
- 2) Классификация проступков советских туристов за рубежом, попадавших под определение «недостойного поведения».
- 3) Типичные реакции руководителя, идеологического актива и рядовых членов туристской группы на проявления «недостойного поведения», логика применения и содержание санкций по отношению к провинившимся туристам.

Комплексное рассмотрение заявленных вопросов поможет не только выявить те грани образа «нового советского человека», которые отправляющая сторона стремилась продемонстрировать зарубежной аудитории, но и реконструировать

действие механизмов самоорганизации и самоконтроля в советском коллективе, распространение которых в постсталинский период отмечал Олег Хархордин в своей работе «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности». Широкое применение «плавающих», субъективных интерпретаций (не)достойного поведения также имеет прямые аналогии с наблюдениями Алексея Юрчака о том, что в документах официального советского дискурса зачастую не содержалось четких критериев, позволявших однозначно разграничить проявления пролетарского интернационализма от подверженности буржуазному влиянию Запада. Изучение внутренней социально-психологической организации советской туристской группы за рубежом позволит глубже понять, как в советских реалиях этические категории «чести» и «достоинства» превращались в инструменты влияния, контроля, глобальной борьбы двух общественно-политических систем.

Екатерина Правилова

Принстонский университет, США

**«Знаки достоинства» или «знаки доверия»?
Бумажные деньги и политический дискурс
в России конца XVIII — первой половины XIX века**

«Деньги не имеют иной цены, кроме относительно к народному труду», — писал в 1801 году известный либерал Николай Мордвинов. Если количество денег в обращении соответствует объему произведений народного труда, то деньги имеют постоянную «цену», а если это равновесие нарушено, «то золото и всякая монета унижена в своем достоинстве». Записка Мордвинова — один из нескольких проектов, направленных на исправление основных принципов финансовой системы России. В их основе лежала идея контракта, обязывающего правительство поддерживать баланс между количеством средств обмена и национальным продуктом. В политическом и идеологическом смысле это означало, что царь должен был оставить введенную Екатериной II практику и риторику обеспечения ценности ассигнаций «честью» и святостью монаршего слова и предоставить народному представительству создать «народный банк».

Использование Мордвиновым риторики «униженного достоинства» для характеристики падения ассигнаций не случайно. В данном контексте «достоинство» употреблено в значении «ценности». Однако значение «ценности» не было сугубо материальным: участники дискуссий об ассигнациях мыслили о деньгах в антропоморфных категориях, подчеркивая моральный аспект финансовых проблем. Бумажные деньги, наполненные реальной ценностью, противопоставлялись «знакам доверия» (*billets de confiance*), которые, несмотря на возвышенное название, представляли собой низший вид денег.

Доклад прослеживает развитие категорий достоинства и доверия в финансовом дискурсе России конца XVIII — первой половины XIX века, а именно появление представления о чести монарха как о залоге ценности денег и соответствующего ему понятия денег как знаков доверия, а также альтернативной идеи обеспечения «достоинства» бумажных денег институциональными гарантиями. Либеральный дискурс основывался на идее, согласно которой деньги представляют не персону монарха, который их выпускает, а материальные ценности, произведенные народом. Установление категорий денег как «представителей» ценности подразумевало соответствующие политические перемены: введение политического представительства, то есть конституции. Монархическая концепция денег как знаков доверия, обеспеченных монаршим словом, отразилась и на дизайне банкнот. К примеру, стандартная для всех банкнот формула, обязывающая банк обменять бумажную купюру на золото или серебро, в российском варианте обратилась в торжественное обещание, напечатанное четырьмя различными шрифтами на обороте кредитных билетов, выпущенных взамен ассигнаций в 1843 году.

Насыщенность финансового дискурса моральными категориями — монархическими или либеральными — стала обращать на себя внимание с начала 1860-х годов, когда после очередной неудачной попытки восстановить курс бумажных денег экономисты попытались проанализировать причины неудачи. Экономисты указывали, что категории чести и достоинства, неуместные в области государственных финансов, играли слишком большую роль в принятии решений, затмевая значение экономических принципов. Они критиковали нелепый антропоморфизм этих финансовых представлений, перенос идеи персональной чести на государственные институты. Однако могло ли быть иначе? В какой степени доминирование категорий чести и достоинства было обусловлено формой правления и доминирующими политическими практиками?

Олег Проскурин

Университет Эмори, США

Оскорбленное достоинство и право на терроризм (Почему Пушкин хотел убить царя и почему не убил)

1. В центре доклада — эпизод из истории русского политического и гражданского сознания, демонстрирующий новые представления о *личной чести* и необходимости ее защиты в отношениях не только с другими индивидуумами, но и с государством.
2. Осенью 1825 года А.С. Пушкин, намереваясь добиться изменения статуса ссыльного, набросал черновик личного письма императору Александру I (осталось неотправленным). В этом письме, обрисовывающем положение поэта в конце 1810-х годов, содержалось уникальное признание (подлинник

по-французски): «Разнесся слух, будто бы я был отвезен в Секретную Канцелярию и высечен. <...> Я увидел себя опозоренным в общественном мнении. <...> Я соображал, не следует ли мне застрелиться или убить –V– ». В докладе приводятся дополнительные аргументы в поддержку мнения о том, что под –V– имелся в виду сам император Александр («ou d’assassiner Votre Majesté»).

3. Высшая власть как вероятный источник слухов о «наказании» Пушкина. Новые формы и методы государственного контроля и дискредитации «недовольных»: от позорной казни к диффамации. Эволюция представлений об оскорбленном достоинстве в 1810-х годах. Дуэль как внесудебная (и внесударственная) форма защиты чести и достоинства. Кого можно и кого нельзя было вызвать на дуэль? Цареубийство как паллиатив дуэли. Индивидуальный террористический акт как альтернатива дворцовому заговору.
4. Актуальный европейский контекст (теракт Карла Занда) и исторические прецеденты. Античные модели для политического поведения — универсалия эпохи. «Тираноборцы»: Гармодий и Аристокитон vs Брут и Кассий. Возможные источники сведений Пушкина о подвиге Гармодия и Аристокитона (книга аббата Бартелеми). Основание для тираноубийства — «оскорбление, которое невозможно забыть» («un affront qu’il était impossible d’oublier»). Мщение за личную обиду — путь к изменению политического строя.
5. Утопизм пушкинского проекта. Возможная роль П.Я. Чаадаева в изменении намерений Пушкина. Отголоски тираноборческих интенций Пушкина в его поэзии. Политическое фрондерство Пушкина весной 1820 года как паллиатив несостоявшегося «тираноубийства» и как способ восстановления и защиты чести и достоинства. «Портрет Лувеля».
6. Рефлексия над проблемой политического убийства в теоретическом дискурсе и художественной практике Пушкина периода «южной ссылки». Общевропейский «правый поворот» 1823–1824 годов. Разочарование Пушкина в политическом активизме (и в индивидуальном терроре как варианте политического действия) как результат разочарования в «достоинстве народов». Поиски новых оснований для утверждения достоинства индивидуума в обществе, не подготовленном для радикальных политических изменений.

Владислав Ржеуцкий

Германский исторический институт, Москва

**Язык, честь и национальное достоинство:
из истории идентичности русской элиты XVIII века**

Понятия достоинства и национального языка в XVIII веке были тесно связаны в сознании русской элиты, как интеллектуальной, так и социальной. В этом отношении мы наблюдаем определенный консенсус, по меньшей мере до тех пор, пока

в последней четверти XVIII и начале XIX века реальная или мнимая неумеренность русской элиты в использовании французского языка не подверглась критике.

Использование русского языка последовательно поощрялось на протяжении всего XVIII века в Академии наук (см. ее устав, принятый в 1747 году), в крупнейших образовательных учреждениях Российской империи (Шляхетный кадетский корпус, Московский университет) — по крайней мере с момента восшествия на престол Екатерины II, — а также в двух учреждениях, которые были нацелены на защиту и прославление русского языка: Российском собрании в Академии наук в 1730-е годы и Российской академии в 1780-е годы. Иногда необходимость этих мер объяснялась педагогическими нуждами, однако в большинстве случаев она связывалась с представлением о национальном и личном достоинстве и гордости. Связь между достоинством и национальным языком очевидна в работах Михаила Ломоносова. Первая часть доклада будет посвящена анализу этого дискурса. Я покажу, что он связан с наследием Петра I и сознательным включением России в общеевропейское пространство, что объясняет частоту сравнений русского и основных европейских языков и желание символически вознести русский до того же уровня, что и основные языки культур, которые были в ходу в России (немецкий, французский и латынь).

Далее я более подробно рассмотрю конкретный случай, имеющий непосредственное отношение к понятиям «честь» и «достоинство» в русском языке. В этой истории несколько протагонистов: фаворит Елизаветы Иван Шувалов, Ломоносов, Вольтер и Фридрих Великий. Этот малоизвестный исторический эпизод поможет лучше понять, как данные понятия были связаны с языком и как полемика об образе России в глазах Европы способствовала формированию этой связи в сознании русской элиты.

Аньес Рокамора

Лондонский колледж моды; Лондонский университет искусств, Великобритания

О достоинстве труда в фэшн-индустрии: проблема стажировок

Благодаря своему растущему присутствию в медиа мода сегодня становится более видимой, чем когда-либо, и зачастую оказывается зависимой от практик, бросающих тень на внешний лоск гламурных образов и соблазнительных товаров. В то время как индустрия моды демонстрирует поразительную креативность и изобретательность, ее работники могут оказаться объектом шокирующего унижения достоинства. В частности, трудовые отношения сопровождаются множеством злоупотреблений, которые часто скрываются от стороннего взгляда благодаря действию разнообразных локальных, национальных и институциональных механизмов, порождающих и воспроизводящих нарушения.

Доклад будет посвящен проблеме стажировок в фэшн-индустрии — теме, которой исследователи теории моды ранее не уделяли достаточно внимания. Стажировки, зачастую так похожие на свободный труд и при этом основанные на эксплуатации молодых людей (еще не окончивших обучение или только что выпустившихся), легитимизированы в качестве нормального карьерного пути к оплачиваемому трудоустройству. В докладе будет предложен взгляд на этот процесс легитимации в условиях ненадежного, незащищенного и стремительно меняющегося рынка труда. Опираясь на труды Мишеля Фуко и используя социологический подход к понятию работы, автор рассмотрит ценности и предпосылки, которые лежат в основе дискурсов о стажировках в британской фэшн-индустрии и влияют на формирование субъективной позиции «стажер в модной индустрии».

Анна П. Ронелл

Университет Массачусетса, США

**Достоинство и миграционный кризис — вчера и сегодня:
новые материалы из Израиля**

Говоря о достоинстве как об исторической категории, крайне важно включать в этот разговор угрозы развивающемуся пониманию достоинства и человеческого состояния во время прошлых и нынешних кризисов миграции. Несмотря на то, что публичная дискуссия чаще фокусируется на военных кампаниях, не менее важно рассматривать последствия этих конфликтов и особенно человеческие аспекты постконфликтных периодов. Проникнуть в суть нынешнего кризиса беженцев в Европе могут помочь новые свидетельства о еврейских беженцах с западных территорий Советского Союза времен Второй мировой войны. Собранные благодаря выдающимся усилиям российско-израильской активистской организации Chazit Ha-Kavod (движение «За достойное будущее») свидетельства живущих в Израиле русскоязычных людей, переживших Холокост и бывших в статусе детей-беженцев, представляют собой настоящую сокровищницу памяти, которая охватывает сразу несколько важных тем, среди которых можно выделить 1) эвакуацию в Среднюю Азию или Сибирь с запада СССР и из Прибалтики; 2) голод, отсутствие крыши над головой, насилие и другие трудности и лишения, которые испытывали беженцы; 3) проблемы, с которыми сталкивались беженцы по возвращении домой: местная враждебность и последствия чудовищных преступлений, совершенных нацистской Германией — потеря целых семей в результате Холокоста, а также серьезные социально-политические и экономические последствия войны.

Стремясь обеспечить достойное будущее бывшим детям-беженцам, то есть обеспечить им пенсию в Израиле, Хазит Ха-Кавод настойчиво лоббировал в Кнессете признание этих беженцев жертвами Холокоста, вследствие чего

смог добиться новых финансовых отчислений из фондов реституции Германии в 2014 году. Стремясь обеспечить более достойную старость людям, пострадавшим в результате эвакуации, Хазит Ха-Кавод тем самым позиционировал, что повышение качества жизни в настоящем компенсирует некоторые тяготы и лишения, которые они понесли в прошлом. Действительно, признав тяготы, которые испытывали русско-еврейские беженцы во время и после Второй мировой войны, и изменив их правовой статус в Израиле, израильское правительство расширило круг лиц, которых считают жертвами нацистских преступлений. Их свидетельства, до сих пор не переведенные на английский язык, использовались в качестве доказательств при оспаривании определения понятия «жертва» и понимания достоинства, в то время, когда роль государства выдвигалась на первый план при принятии решения о том, что представляет собой достойное отношение к беженцам. Эти нарративы проливают новый свет на изменения нашего понимания таких понятий, как миграция, эвакуация, перемещение и дислокация, и дают уникальную возможность для новых исторических исследований достоинства. В моем докладе будет представлен обзор свидетельств и основных тем нарративов, связанных с опытом беженцев и способов его пережить, в свете решений, принятых двумя государствами: СССР в 1941–1945 годах и Израилем в последнее десятилетие.

Жоао Кардосо Росас

Университет Минью, Португалия

**Политическая концепция достоинства —
к вопросу о правах человека**

Идея достоинства возникла в международном законодательстве и дискурсе о правах человека вместе со Всеобщей декларацией прав человека (1948). В этом контексте достоинство можно трактовать как *эрзац* языка естественных прав, который отсутствует во Всеобщей декларации. Если права человека защищают предсуществующее «прирождённое достоинство», как значится в Преамбуле, то в этом случае роль этого понятия является *основополагающей*. Однако из других фрагментов текста Всеобщей декларации следует, что достоинство — это не основополагающий принцип прав человека, а скорее *идея, сформированная* самими правами человека. К примеру, экономические, социальные и культурные права представляются неотъемлемыми для «достоинства и свободного развития ... личности» (Статья 22). В этом смысле достоинство скорее является следствием прав человека, а не предсуществующим основополагающим принципом.

Двойственность понятия достоинства проблематизируется двумя позициями, господствующими в современной философии прав человека. С одной стороны — так называемый «традиционный взгляд», одним из представителей которого является Джеймс Гриффин, рассматривает лишь основополагающий аспект

достоинства. Достоинство, или «индивидуальность», есть то, чем обладают люди, и права человека рождаются из достоинства и могут даже быть его производными. С другой стороны, «политическая теория» прав человека, получающая своё развитие в работах Джозефа Раза и Чарльза Бейтза, утверждает, что права человека «лишены оснований» и, следовательно, не рассматривают основополагающий аспект достоинства. В то же время политическая теория прав человека успешно находит подход к конституирующему аспекту достоинства.

В своём докладе я работаю в рамках политической точки зрения и оставляю традиционную точку зрения за скобками. Я полагаю, что политическая позиция должна обратить внимание на «основополагающую» концепцию достоинства, поскольку она является центральной для законодательства и дискурса о правах человека. Следовательно, возникает вопрос: существует ли способ найти подход к основополагающей идее достоинства в рамках политической позиции, сохраняя при этом конституирующий аспект? Чтобы ответить на этот вопрос, я предпринимаю попытку переформулировать основополагающий аспект достоинства таким образом, чтобы он смог встроиться в политическую концепцию. Моя идея заключается в том, чтобы интерпретировать основополагающую роль достоинства не в терминах онтологии, а в социальном и политическом ключе.

Ирина Рудик

Институт иностранных языков РГУ им. С.А. Есенина, Рязань

**«Ничего позорящего или бросающего тень
как на корпорацию, так и на меня, не делал»: «честь»
и «достоинство» в практике студенческих корпораций**

Со времени основания первой корпорации при Дерптском университете кодекс чести был важной частью устава каждой организации. Споры, касающиеся вопросов чести, могли решаться посредством суда чести или традиционными мензурами.

Понятие «достоинства» определяло повседневную жизнь корпорации — устав подробно прописывал, как должен вести себя каждый член организации в зависимости от его статуса и специфики ситуаций. «Недостойное поведение» одного считалось порочащим всю организацию в целом. В том числе поэтому «корпорантом» нельзя было стать сразу: к новичку («фуксу», «лисице») до получения им знаков отличия («цветов») не так строго применялись корпорационные правила, но он и не считался «представляющим» организацию.

Товарищеские суды («Суд конфратеров», «Суд Земляков» и др.) и суды чести

После почти полного прекращения практики мензур и превращения фехтования в один из корпорационных ритуалов все функции по «защите чести» перешли

к внутрикорпорационным судам. Они существовали наряду с судами, которые собирались несколько раз в семестр и занимались повседневными конфликтами. Суд чести мог не собираться несколько семестров по причине отсутствия повода. Состав судей в них также отличался: в «товарищеский суд» входил senior корпорации, двое судей и секретарь. Суд чести составлялся каждый раз заново: из представителей обидчика и оскорбленного и нейтрального лица, являвшегося председателем.

При этом разбирательства старались делать максимально закрытыми — за исключением случаев, когда были задействованы несколько организаций и их членов. Протоколы судов чести не велись — об этом отдельно упоминалось в уставах. Единичные исключения свидетельствуют либо о чрезвычайном характере дела, либо о неправильном ведении документации в конкретной организации.

Регулирование дел чести в русских корпорациях Эстонии

В действовавших в Эстонии в 1922–1940 гг. русских корпорациях кодексы чести касались вопросов регулирования споров и последующего наказания виновных. Два главных типа конфликтных ситуаций — оскорбление чести конкретного корпоранта или организации в целом.

«Оскорбление достоинства» организации иногда прописывалось и в списке дел, подлежащих разбирательству на «товарищеском суде». Во всех уставах подробно прописывался «правильный» сценарий реакции на чей-либо поступок, если оскорбляемый считал, что задета его честь. Структура такого сценария практически полностью копировала мензурный этикет, действовавший еще в корпорациях Дерптского университета. Обидчика полагалось «вызвать», после чего отношения прекращались и в дело вступали третьи лица.

Нас особенно интересуют немногие сохранившиеся протоколы судов чести, в которых имеются предложения выбрать оружие, хотя, согласно уставам, мензурантов из корпорации исключали. Мы предполагаем, что перед нами один из случаев расхождения между «внешней» и «внутренней» политикой организации. Копия устава обязательно отправлялась в университет, где пункт о возможности мензуры вызвал бы немедленное решение о закрытии корпорации.

В докладе мы обратимся к уставам, протоколам и корреспонденции нескольких русских корпораций: мужских организаций *Fraternitas Aeterna*, *Fraternitas Slavia*, *Voeteia* и женской *Sororitas Oriens*. Особое внимание мы уделим разделам, касающимся урегулирования дел чести, и проанализируем практику работы с подобными ситуациями. Для этого мы обратимся к некоторым конфликтам, в которых, согласно критериям, действовавшим в той или иной корпорации, имелось оскорбление чести или достоинства члена организации или всей структуры в целом.

Ильшат Саатов

Центр изучения Ближнего и Среднего Востока Института
востоковедения РАН, Москва

**«Не суй нос в наши спальни»: оскорблённые турецкие граждане
и протесты в парке Гези в 2013 году**

Доклад основан на интервью, взятых автором у протестующих в парке Гези, и наблюдениях в районе Бейоглу в период волнений июня 2013 года, и посвящён дискуссиям и спорам вокруг политики турецкого правительства и лично Реджепа Эрдогана.

В XX веке кемалистская политика разделила турецкое общество на две большие группы. Представители образованной светской элиты лишь идентифицировали себя с суннитами, а практикующие мусульмане были поставлены в позицию людей второго сорта. В конце 90-х и в начале XXI века недовольство светской элитой стало одним из факторов, которые способствовали приходу к власти исламистов (*Refah Party, или Партия благоденствия*) и пост-исламистов (*АКР, или Партия справедливости и развития*). Первые годы правления АКР были довольно демократичными, поскольку перед властями стояла цель соответствовать копенгагенским критериям, чтобы войти в Евросоюз. Были внесены значительные изменения в законодательство, и общественное пространство было открыто для мусульманских голосов. Многие либералы и демократы поддерживали эти реформы. Но после 2007 года позиция Эрдогана стала смещаться в сторону усиления личной власти. Ему было необходимо сплотить свой электорат, для чего он принялся работать над формированием образ противостоящих АКР светски ориентированных людей как врагов и людей второго сорта в «Новой Турции». Подобное зеркальное отражение кемалистской политики (особенно учитывая способ, которым это было сделано) вызвало новую волну негодования, на этот раз от светских и либеральных групп населения, включавших в себя также и некоторых умеренных мусульманских интеллектуалов, и, в конечном счёте, привело к массовым протестам.

В конце мая 2013 года в парке Гези были срублены несколько деревьев для постройки здания в духе старой османской казармы, которое должно было, по видимому, стать торговым центром. Несколько десятков экологов-активистов попытались защитить парк, но городская полиция жестко их прогнала. После этого локальный протест перешёл на совершенно иной уровень и вырос в кампанию, охватившую всю страну. По моему мнению, одним из основных мотивов протестующих было чувство оскорблённости действиями Реджепа Эрдогана и политикой АКР. С одной стороны, многих людей в целом смущает разделение общества на «хороших» сторонников АКР и «плохих» оппозиционеров, с другой стороны, Эрдоган нанёс протестующим прямые оскорбления, используя слова вроде '*çapulcu*' (мародёр) или '*ayyaş*' (алкоголик).

События в Гези прорвали плотину сдерживаемой обиды, и миллионы людей вышли на улицы многих турецких городов, требуя отставки Эрдогана. Протестующие использовали разные дискурсы для обоснования своих взглядов — от антифашистских и антитеррористских до либеральных и даже социалистически-мусульманских. Я побеседовал с десятью людьми, которые жили в палатках в парке Гези, и многие из них были настроены категорически против лично Эрдогана. Его воспринимали как деспота в патримониальном понимании, как отца, который вмешивается в приватные дела и диктует образ жизни, которому должны следовать люди, и образ мысли, с которым они должны соглашаться. «Эрдоган хочет войти в наши спальни», — сказал один из интервьюируемых. Также мои собеседники сообщили, что они настроены против «исламизации», однако не смогли обоснованно рассказать, что именно они имеют в виду. К примеру, факт ограничения времени продажи алкоголя в контексте происламской риторики АКР был воспринят как пример исламизации, хотя это является распространённой практикой во многих немусульманских странах. Скорее, эти настроения — реакция на а) легитимацию исламского дискурса в публичном пространстве и б) переход к плюралистической светскости по англо-саксонскому образцу после длительного периода агрессивного секуляризма французского типа.

Светлана Сидорова

Институт востоковедения РАН, Москва

Stiff Upper Lip: поведенческий кодекс британских колонизаторов в Индии

Достоинство — нематериальная категория, в некоторых языках лексически устойчиво соотносимая с понятием чувства, которое, как и любая эмоция, имеет внешнее проявление. Более того, достоинство само иногда трактуется как визуализация/видимая форма чувства уважения/самоуважения. В докладе речь пойдет об определенном наборе двигательных, мимических, лингвистических практик, другими словами, о поведенческом кодексе британских колонизаторов в Индии в XIX в., призванных продемонстрировать достоинство нации, превосходящей в цивилизационном отношении покоренные народы.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Европе, и особенно в Англии, на смену чувствительности эпохи сентиментализма пришли нравственные чувства («moral feelings»): на щит был поднят приоритет разума, свободной воли, общественной пользы и ответственности, которые позволяли ограничивать людские страсти. В Англии новая эмоциональная модель поведения воплотилась в ставшей устойчивой словесной формуле *stiff upper lip* — «плотно сжатые губы». Она служила синонимом сдержанности, стоицизма, упорства и символом английского характера. Дрожащая верхняя губа была признана проявлением слабости, слезы

стали восприниматься как признак незрелости, присущий не только отдельным индивидам, но и целым обществам. Британский стоицизм развивался параллельно с идеологией британского империализма. «Безэмоциональность» приезжавших в Индию британцев, преисполненных чувства гордости за принадлежность к великой нации, должна была помогать им визуально дистанцироваться от не достигшего высот нравственного развития местного населения.

Однако на деле прибывавших на службу в колонию новичков отличало чувство крайнего удивления, порождаемого столкновением с незнакомой ситуацией и связанного с рассогласованием между оставленным привычным «домашним» миром и «экзотической» действительностью. Еще до того, как к делу подключались «разумные» соображения, происходило «телесное» погружение в эту действительность с непрограммируемыми физиологическими реакциями. У этих новичков было специальное прозвище — *гриффины*. Переход из ранга *гриффонов* в сообщество бывалых колонизаторов сопровождалось телесной адаптацией к экзотике, обретением мимической сдержанности и одновременно трансформацией первоначально нейтрально окрашенного чувства удивления в оценочно нагруженные эмоции, как правило, негативного свойства. Внешне сдержанное «достойное» поведение часто скрывало высокомерие, надменность и отчужденность. Последнее становилось следствием не только зачастую так и непреодоленного дискомфорта, но и господствовавшей идеологической мифологемы о европейском превосходстве, программировавшей «сознательные» реакции белых людей на колониальную действительность.

Светлана Стивенсон

Лондонский университет Метрополитен, Лондон

Диктатура чувств

В современном мире кажущаяся на первый взгляд прогрессивной повестка защиты слабых и беззащитных стала сопровождаться целым набором дисциплинарных практик, применяющихся в различных институциональных условиях. Последние включают в себя учреждения высшего образования и сферу культуры. Эти практики включают в себя меры, которые должны предотвратить возможность любого потенциального оскорбления, унижения чувств и достоинства других людей. Они включают в себя так называемые «безопасные зоны» в американских и английских университетах, где студентов защищают от любых высказываний, которые могут создать для них дискомфорт, и политику «бесплатформности», при которой слушателей ограждают от выступающих, которые могут потенциально сказать что-то неприятное или оскорбительное. Они включают в себя также различные дисциплинарные процедуры, при которых люди могут обращаться к руководству различных институтов с тем, чтобы они наказали людей, которые оскорбили их честь

и задели чувства, и цензуру в области культуры. В докладе говорится о возникновении культуры жертв, и как она используется для укрепления существующих структур власти.

В двадцатом веке формальная политика основывалась на том, что Лиотар назвал современными «мета-нарративами прогресса», воплощенными, например, в идеологиях марксизма или либерализма. Культурная политика чувств и моральных переживаний, с другой стороны, занимает совсем другую территорию. У нее нет видения лучшего мира, напротив, государство предлагает защиту от того, что гражданам представляется формами культурного угнетения в настоящем. Другими словами, речь идет о формах виктимизации, в которых человек или его группа сталкивается с нежелательным поведением, преднамеренным или непреднамеренным, которое может привести к тому, что кто-то где-то почувствует себя жертвой. Ответ происходит главным образом через обращение за защитой к вышестоящим инстанциям. Доклад обсуждает связь между развитием политики оскорбленных чувств и морали и так называемой рабской моралью, о которой говорил Ницше, когда при отсутствии желания и намерения изменить структурные условия поведение направляется не на улучшение жизни, а просто на клеймение врагов. Вывод доклада состоит в том, что это — консервативная политика, которая выгодна структурам власти. Далекая от любых попыток трансформации общества, она приводит к запретам на свободу слова и выражения.

Игорь Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва

**Термины достоинства в древнегреческом и латинском языках:
рождение категории в двух древнейших европейских
цивилизациях**

Категория достоинства рождается в Европе, в период античности. Тщетным было бы искать соответствующие лексемы в древневосточных языках (хотя соответствующие реалии, еще не обозначенные терминологически, на Древнем Востоке уже можно встретить, — ср. хотя бы образ Гильгамеша в шумеро-аккадском эпосе или, в более утонченном виде, образ Давида в ряде книг Ветхого Завета).

В данном докладе речь пойдет все-таки об античных цивилизациях, поскольку именно они в основном определили менталитет Запада. У древних греков категория достоинства предстает как лишь только формирующаяся; соответственно, терминологический аппарат еще не устоялся. Предпочитается лексема *αἰσχύνη*, но она скорее означает «авторитет», нежели достоинство в собственном смысле слова (*αἰσχύνη* скорее коррелирует с латинским *auctoritas*, чем с латинским *dignitas*).

С оформлением римской цивилизации, олигархической по своим основным интенциям (здесь уместны глубокие наблюдения Р. Сайма), понятие *dignitas* вступает в свою полную силу. Его складывание хронологически и стадияльно соответствует эволюции уникального феномена Римской республики — полиса, завоевавшего Средиземноморье. Рим, будучи (в резком контрасте с государствами греческого мира) одновременно иерархическим и инклюзивным, создав феномен магистратской карьеры (вступив на ее путь, гражданин постоянно повышал свое достоинство, свою *dignitas*), выработал те реалии, отзвук которых ощущается и по сей день.

Для античных греческих полисов, особенно демократических, было совершенно неприемлемым признание какого-то особенного «достоинства» одних граждан по сравнению с другими. Все равны! А кто считал себя не равным другим, выше других, — тех в Древней Греции подвергали остракизму. «Греки изобрели остракизм, а римляне — триумф», — остроумно подметил один современный исследователь (У. Рансимен). И этим многое сказано. Триумф, торжественный въезд победоносного полководца в Рим, — это высшее проявление его *dignitas*.

В докладе будут также рассматриваться особенности судебных процессов против аристократов в античных Афинах и в античном Риме. Тут тоже представится богатая почва для сравнения. В качестве общего вывода предложим парадоксальный тезис: демократия и достоинство — вещи несовместимые (не случайно античные мыслители проводили различие между «арифметическим равенством» и «геометрическим равенством»).

Джитендра Уттам

Школа международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Лишить достоинства: политическая экономия унижения каст в Индии

Анализируя исторический процесс социального унижения, которое лишает человека достоинства, мы полагаем, что кастовая система социальной стратификации усугубляла пассивность населения Индии. Благодаря этой пассивности подавлялось любое массовое общественное недовольство или протест, вызывающий к структурным изменениям. Почти полное отсутствие какого-либо массового недовольства в свою очередь стало причиной специфической политэкономии, в условиях которой процветала многовековая практика крайне неравномерного распределения ресурсов. Пассивность масс, поощрявшаяся на протяжении столетий социального унижения, является частью более масштабного замысла малочисленного, но привилегированного класса, который всегда стремился к захвату власти.

Закостенелость этой схемы распределения ресурсов можно объяснить тем, что социальная (кастовая) и экономическая (классовая) жизнь тщательно объединяются вокруг общего социоэкономического стержня, что позволяет воспрепятствовать любой политической попытке реструктуризации схем неравномерного распределения ресурсов. Благодаря действию этих поддерживающих друг друга социоэкономических сил любые попытки реформ при могольском правлении, в Британской Индии и даже в независимом индийском государстве оказывались неэффективными. Внутренняя политика в Индии всегда была бесспорной перед лицом объединившихся социоэкономических сил.

Используя аргументацию теории отставания, мы рассмотрим, как дисбаланс между продолжающимся социоэкономическим отставанием и сегодняшним усилением политического влияния низших каст стал причиной крушения на пути индийской модернизации. По нашему мнению, чтобы устранить это неравновесие, необходимо отказаться от кастовой экономики. Эмпирическая проверка нашей гипотезы была проведена в ходе полевых исследований, осуществлённых в северной части Индии, Уттар Прадеш. Они подтвердили, что сегодня продолжается процесс обширного социоэкономического взаимопроникновения между более высокими кастами с высокими доходами и более низкими малообеспеченными кастами.

Почтенные индийские традиции кастового социального унижения, возникающего в результате социоэкономической поляризации, могут быть повержены с помощью позитивных политических мер вкупе со строгим соблюдением положений Закона о городских угодьях, направленных на обеспечение справедливого перераспределения. Необходим новый демократический порядок в политической экономике Индии, чтобы дать начало кооперативной экономике, способной разрушить давние и глубоко укоренившиеся связи между социальной и экономической сферами.

Олег Хархордин

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург

Достоинство личности или достоинство группы

В центре моего внимания будут 2 основных понимания достоинства человека. Первое гласит, что люди были созданы по образу и подобию Бога, и потому их достоинство неприкосновенно. Это религиозное понимание идет красной нитью от отцов церкви через Ренессанс до современности и досталось нам в наследство от христианской патристики. Как показал гарвардский историк Сэм Мойн в своей недавней книге, христианский персонализм таких авторов, как нео-томист Жак Маритэн, отразился в строках о достоинстве таких фундаментальных документов, как Преамбула Устава ООН или послевоенная конституция Германии. Второе по-

нимание, на котором я остановлюсь, — это секулярное представление о достоинстве как об особых положительных качествах человека. Оно сначала было связано с заслугами или привилегиями, присущими особому сану, чину или высокому положению. Но если это было доступно раньше только немногим аристократам (например, их не сажали в тюрьму за долги), теперь такие права стали доступны всем.

Картина усложняется, когда приходится рассматривать не отдельных людей, а юридические лица, группы людей или даже целые страны. Можно ли обоснованно считать, что и к ним применимо понятие достоинства? Например, за последние 10 лет российское правительство и те, кто ему противостоит в уличных протестах, постоянно и последовательно апеллировали к достоинству, чтобы обосновать свои позиции. Но если власти хотя восстановить достоинство страны, говоря, что «Россия должна подняться с колен» после нескольких лет унижения, последовавших за падением коммунистической системы, оппозиция указывает на то, что это нельзя сделать, если продолжать держать отдельного гражданина на коленях. Аргументы о поруганном достоинстве очень важны и для дискурса запрещенных в России Аль-Каиды и ИГИЛ.

Опираясь на Достоевского и Бердяева (чей персонализм во многом вдохновил Маритэна), лекция попытается проанализировать, как достоинство коллективного агента действия может соотноситься с достоинством отдельной личности, включая вопрос, насколько две концепции достоинства человека, описанные выше, вообще применимы к ситуациям, когда субъектами действия являются группы людей.

Ксения Черкаева

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

**От «позорного креста» к «общепринятым стандартам»:
Трансформация термина «достоинство» в юриспруденциях
Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации**

Современная российская юриспруденция признает то объективное и неотъемлемое человеческое достоинство, которым обладает каждый по праву рождения. Законом защищается от клеветы и другой, субъективный род достоинства: это самоуважение истца в его собственной оценке личных моральных качеств. Юридическое значение этого субъективного достоинства претерпело радикальные метаморфозы в течение последнего столетия: от сугубо личных этических норм, которым следует человек в силу нравственного долга и которые превыше закона и общественного мнения, оно свелось к защите общественно-морального статуса человека и далее, к юридически защищенному субъективному состоянию чувств человека, оцениваемому по «общепринятым стандартам».

Сегодня законодательство РФ защищает честь и достоинство истцов от оскорбления и клеветы. Однако уголовный кодекс 1903 г. защищал только честь: «внутреннее достоинство», как разъясняли правове­ды, «не может быть объектом оскорбления, ибо оно слагается и живет в индивиде вне отношения к нему окружающих, подчиняясь лишь оценке его совести и сознанию им идеи долга». Признавая граждан этическими субъектами, закон самоограничивался регулированием лишь внешних действий, не вторгаясь в этическую область личных чувств.

Но к 1961 году законы о клевете взяли под защиту в придачу к чести и достоинство. Утверждая, что «выполнение трудового долга есть главное мерило общественного веса», позднесоветский юридический дискурс активировал шкалу, в которой и честь, и достоинство могли быть в равной мере внешне наблюдаемы и подвержены оценке: критериями такой оценки он устанавливал результат стараний человека в исполнении трудового долга на благо Родины и усилий в построении нового коммунистического общества. Эта шкала имела установленные границы: «Советский человек, забывающий о своем достоинстве гражданина страны социализма, — утверждали правове­ды, — теряет право на уважение со стороны своей Родины».

Моральная шкала, по которой исчислялось достоинство, исчезла из юридического дискурса после крушения СССР, однако юридическая защита «чести и достоинства» осталась. Отсылки на достоинство в правах человека вытеснили старые ставки на коммунистическую мораль, но, используя термин «достоинство» как неотъемлемую ценность всех людей независимо от их нравственного устремления, они не смогли предоставить закону новую внешнюю шкалу, по которой можно было бы судить о исполнении человеком его морального долга. В законодательстве отсутствует кодифицированная шкала, позволяющая фиксировать умаление субъективного достоинства. Судебная практика вынуждена лавировать «в соответствии с общепринятыми социальными стандартами», полагаясь лишь на «общесмысловое словоупотребление» этого термина.

Таким образом, за минувшее столетие в практике дел о клевете понятие достоинства совершило полный смысловой разворот: от законов, которые не защищали личное достоинство потому, что оно никем не могло быть поругаемо, до судебной защиты достоинства, определяемого «общепринятым социальным стандартом».

Вячеслав Шульженко

(Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Реставрация достоинства в поведенческой модели персонажей-кавказцев в постсоветской литературе

1. В центре нашего внимания не так называемая реальность кавказской жизни, а ее репрезентации в «кавказском тексте» русской литературы, в котором по-прежнему можно обнаружить следы изначальной трактовки категории «достоинство», да и собственно судить о самом многообразии форм его проявления, связанном как с изменением сознания на антропологическом уровне, так и с крайне противоречивыми трансформациями его репрезентации в публичной сфере.
2. Достоинство рассматривается нами в духе постколониальных этюдов Х. Баба, а сама теория постколониализма — как реставрация достоинства в кавказском контексте, ибо достоинство — важнейшая компонента в зарождении и становлении кавказской идентичности. Оно в кавказском индентенте всегда занимало особое место, хотя приобрело в массовом представлении русских гипертрофированные формы. Категория «достоинство» во многом определяет идентичность кавказцев, она — в основе их представления о собственной исключительности и полном праве на эту исключительность.
3. Реставрация достоинства нередко вплетена в не лишенный трагического пафоса нарратив национального спасения, возникший на фоне межэтнических конфликтов.
4. Создателям советской этики, трактовавшим достоинство с классовых позиций, ближе оказалась коннотация, воспринимавшая его на семантическом уровне лишь как «положительное качество», позволявшее, кроме всего прочего, по своему вкусу структурировать и историю. Тем самым удалось сберечь институциональность сконструированной по идеологическим лекалам этической парадигмы, ну а самой этой категории был нанесен сокрушительный удар, приобретший со временем у кавказцев все признаки коллективной травмы. За счет выдвигания мотива достоинства авторы «кавказского текста» на первых порах стремятся преодолеть двоемыслие и двоееречие советской эпохи, способность сформированного ею писателя и читателя достаточно гибко адаптироваться к «внешним» императивам и властным ограничениям» (Б. Дубин).
5. Осмысленное как речевой акт достоинство во многом предопределяет бытование литературных персонажей. Эти высказывания носят ярко выраженный перформативный характер и буквально «ломают» реальность, ломают настолько, что возникающие в результате ломки ее презентации крайне противоречиво воспринимаются окружающим сообществом, которому они и адресуются. Достоинство теряет свои духовно-психологические основания, превращаясь в едва ли не биологический рефлекс.

6. О достоинстве как краеугольном камне национального характера в произведениях размышляют и спорят не аксакалы, не почитаемые в народе ашуги и муллы, не даже «мэтры общественного мнения», к которым совсем еще недавно причисляли писателей, а бандиты, уголовные авторитеты, всякого рода «полевые командиры», назначенные международным террористическим сообществом «амиры», неофиты ваххабизма. Их понимание и дефиниции самого достоинства, а главное — методы его внедрения в жизненную практику нередко находят фанатичных последователей. Неслучайно самая трагическая форма его репрезентации связана с терроризмом. Еще в романе Ю. Козлова «Колодец пророков» (1998) кавказский терроризм предстает не как идеология, а как восстановление этнического и семейно-родового достоинства, как возвращение к неким изначально чистым «формам», которым не предшествует известная европейцам метанойя.

Информация об участниках

Ованес Акопян

Докторант Центра по изучению Ренессанса Уорикского университета, Великобритания. Его диссертация посвящена спорам об астрологии в ренессансной Италии в конце XV — начале XVI веков. В 2014 году он также защитил диссертацию по истории Средних веков и раннего Нового времени в Московском университете.

Сфера научных интересов — ренессансная философия, астрология, магия и наука. Этим вопросам он посвятил целый ряд публикаций. Среди последних работ — книга «Волки в овечьих шкурах: „Рассуждения против проциательной астрологии“ и ренессансная мысль конца XV — начала XVI веков» (в печати, Центр гуманитарных инициатив). В настоящее время готовит к печати два сборника: об астрологии и ее месте в культуре раннего Нового времени (соредактор — Чарлз Бернетт, издательство «Routledge») и о судьбе и фортуне в ренессансной мысли (соредактор — Дилвин Нокс, издательство «Brill»).

Выступал с лекциями и докладами на конференциях в Великобритании, США, Канаде, Бельгии, Германии, Италии, Чехии, Польше, Австрии, России.

Хоми К. Баба

Профессор кафедры гуманитарных наук, директор Центра гуманитарных исследований, старший советник президента и ректора Гарвардского университета. Автор множества работ, посвященных проблемам постколониальной теории, культурных изменений и власти, современного искусства и космополитизма, в их числе — книги «Nation and Narration» и «The Location of Culture», которая была переиздана в серии «Routledge Classic» в 2004 году. Его следующая книга готовится к публикации в «University of Chicago Press».

Член Научного комитета Шанхайского музея «Электростанция искусства» (Power Station of Art) и Экспертного совета по продвижению гуманитарных наук (British Council), эксперт проекта «Contemporary and Modern Art Perspectives» (C-MAP) в Музее современного искусства в Нью-Йорке, член совета Всемирного доклада ЮНЕСКО по культурному многообразию, куратор-резидент Бостонского музея изящных искусств. Обладатель почетных степеней Университета Париж VIII, Университетского колледжа Лондона, Свободного университета Берлина. В 2012 году ему была присвоена высшая

государственная награда Индии Падма бхушан в области литературы и образования. В 2015 году был удостоен награды «Humboldt Research Prize».

Константин Бандуровский

Кандидат философских наук, доцент РАНХиГС. Сфера научных интересов: история средневековой философии, средневековая метафизика, философия Фомы Аквинского. Автор статей по средневековой философии, книг «Фома Аквинский. Учение о душе» (СПб: Азбука, 2004), «Бессмертие души в философии Фомы Аквинского» (М.: Изд. РГГУ, 2011). Переводил Фому Аквинского, Альберта Великого, Р. Бультмана, Э. Гуссерля, Х. Арендт, К. Хельда, А. Макинтайра, книги и статьи современных философов.

Алексей Беспалов

Выпускник факультета искусствоведения и культурологии УрГУ им. Горького (Екатеринбург, 2008), вольнослушатель факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2010), магистрант программы cultural studies (специализация «гендерные исследования») ЕГУ (Вильнюс, 2014), магистрант программы «Европейские историко-культурные исследования» УрФУ (Екатеринбург, 2015–2016), аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета УрФУ с 2016 года.

Диляра Брилева

Кандидат исторических наук, ассистент кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. В 2012 году защитила кандидатскую диссертацию «Общественные дискуссии по вопросам социальных реформ в татарской прессе начала XX века (на материалах журнала «Шура» 1908–1917)». Владение языками: английский, арабский, турецкий, татарский, старотатарский. Сфера научных интересов: религиозные реформы в исламе, трансформация религиозной традиции в исламе, периодическая пресса татар-мусульман Российской империи начала XX века, политика культурной памяти.

Ольга Вайнштейн

Ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета. Автор монографии «Денди: мода, литература, стиль жизни» (НЛО, 2005, 2006, 2012). Составитель сборника «Ароматы и запахи в истории культуры» (НЛО, 2003, 2010). Автор многочисленных статей по истории литературы и моды. Член редколлегии журналов «Теория моды: одежда, тело, культура», «Critical studies in

men's Fashion», «International Journal of Fashion studies», «Fashion Theory: the journal of dress body and culture».

Анастасия Васильева

Кандидат культурологии, доцент кафедры характерного, исторического, современного танца и актерского мастерства Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой, артистка балета Мариинского театра (1991–2012). Исследовательские интересы связаны с культурной историей характерного танца, взаимосвязями сценического танца и социальных танцев. Автор книги «Вальс. История и школа танца» (2013).

Татьяна Венедиктова

Доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. кафедрой теории дискурса и коммуникации филологического факультета. Автор книг «Поэзия Уолта Уитмена» (М., 1982); «Человек, который создал себя сам. Американский опыт в лицах и типах» (М., 1994); «Обретение голоса. Американская национальная поэтическая традиция» (М., 1994); «„Разговор по-американски“: дискурс торга в литературной традиции США» (М., 2003) и около 200 статей по истории литературы и культуры США и Западной Европы.

Хулиета Газтаньяга

Антрополог (PhD), сотрудник Национального совета по научным и техническим исследованиям (CONICET, Аргентина), адъюнкт-профессор Университета Буэнос-Айреса, профессор IDES-университета в Сан-Мартине. Наряду с преподаванием политической антропологии студентам и аспирантам занималась проведением полевых этнографических исследований, посвященных развитию политических партий, перонистской идеологии, партийной деятельности и милитаристским тенденциям, публичной инфраструктуре, глобализации, федерализму, регионализации и вовлечению в политическую активность внутри баскской диаспоры. Была руководителем и соруководителем различных исследовательских проектов, опубликовала четыре монографии, множество статей в рецензируемых журналах, главы книг и доклады. Работала по приглашению в Чили (Католический университет в Мауле), Бразилии (Национальный музей), Франции (Высшая школа социальных наук) и Великобритании (Манчестерский университет; Лондонская школа экономики и политических наук).

Томаш Гланц

Доктор наук, старший научный сотрудник Цюрихского университета (Швейцария). Специализируется на таких темах исследований, как

перформанс в Восточной Европе, самиздат и неофициальная культура, наука и культура российского и чешского модернизма (Роман Якобсон, авангард, трансфер теорий), идеология в славистике, современное российское искусство и литература. Приглашенный профессор Берлинского университета имени Гумбольдта (Institut für Slawistik, 2010–2013); приглашенный профессор Базельского университета (с 2011), старший научный сотрудник Бременского университета в Германии (Forschungsstelle Osteuropa, 2007–2010); руководитель Чешского культурного центра в Москве (2005–2007), руководитель Института славистики и восточно-европейских исследований Карлова университета в Праге (2000–2003). Автор нескольких книг и каталогов, новейшие из которых — «Autoren im Ausnahmezustand. Die tschechische und russische Parallelkultur» (Berlin, 2017) и «Pavel Pepperštejn: Memory is over» (Ostrava, 2016).

Линор Горалик

Поэт, писатель, исследователь, работающий с темами идентичности и трансгрессии в повседневном костюме. Читает авторский курс «Повседневный костюм и идентичность» в НИУ ВШЭ и ведет семинар «Костюм и трансгрессия: человек и его одежда за пределами формата» в Московской высшей школе социально-экономических наук. Постоянный автор журнала «Теория моды».

Наталья Граматчикова

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), доцент Уральского федерального университета. Область научных интересов: семейная и устная история; фольклор и постфольклор; (нео)мифология; этнография, мифология и литература народов Урала; межкультурная коммуникация, провинциальная периодическая печать XIX века. Автор более 30 научных публикаций.

Элисон Мэтьюс Дейвид

Доцент Школы моды и руководитель магистерских программ в Университете Райрсона, PhD (Стэнфордский университет). Автор статей, опубликованных в журналах «Victorian Studies», «Fashion Theory» и «Textile». Недавний исследовательский проект «Жертвы моды» был посвящён тому, как одежда наносила физический вред тем, кто её создавал и носил, перенося заразные заболевания, источая токсины и становясь причиной несчастных случаев. Книга «Жертвы моды» (Bloomsbury, 2015) стала основой для формирования масштабной выставки в Музее обуви Бата в Торонто (июнь 2014 — январь 2018). Соредактор «Fashion Studies», рецензируемого журнала со свободным доступом, запустившегося в мае 2017 года.

Андрей Десницкий

Доктор филологических наук, профессор Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, отделения истории и культуры древнего Востока. Консультант в Институте перевода Библии (с 2014 года), в 1993–2000 годах работал научным сотрудником и переводчиком в Российском библейском обществе, в частности участвовал в подготовке нового перевода Ветхого Завета на русский язык. Также принимал участие в некоторых других проектах по переводу Библии, прежде всего в подготовке перевода Заокского Института перевода Библии (2015) в качестве переводчика и редактора для ветхозаветных книг. Автор книг «Введение в библейскую экзегетику» (М.: ПСТГУ, 2011), «Современный библейский перевод: теория и методология» (М.: ПСТГУ, 2015) и др.

Ксения Ельцова

Сотрудник международного учебно-научного центра «Высшая школа европейских культур» РГГУ (Москва), сотрудник издательства «Новое литературное обозрение». Ключевая сфера научных интересов: исследование репрезентаций высокого социального статуса / идеи элитарности в современных медиа-культурах. В 2016 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Конструирование „элитарности“ в современных российских новых медиа» (ОСКИ РГГУ). В рамках работы над этим проектом прошла исследовательские стажировки в университете Юстуса Либиха в Гиссене (2011–2012) и в университете Гумбольдта в Берлине (2013–2014).

Олег Журавлев

Доктор наук (Европейский университетский институт, Флоренция, Италия), преподаватель Школы перспективных исследований Тюменского государственного университета, исследователь Лаборатории публичной социологии. Избранные публикации за последние годы: «Политика подлинности и ее пределы» (Commons. The journal of social critics, 2014), «From Presence to Belonging: Eventful Identity of Euromaidan» (Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 3. С. 69–85), «Vad blev kvar av Bolornajatorget? En ny start för den lokala aktivismen i Ryssland» (Arkiv. Tidskrift för samhällsanalys. 2017. 7. P. 129–164).

Андрей Заостровцев

Кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге и профессор департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

(Санкт-Петербург). Автор книги «О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю?». Исследовательские интересы: новая институциональная экономическая история.

Сергей Иванов

Доктор исторических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» и Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по византийской культуре, автор монографий «Византийское миссионерство» (М., 2003), «Блаженные похабы. Культурная история юродства» (М., 2005), а также популярной книги «Прогулки по Стамбулу в поисках Константинополя» (М., 2016).

Элвис Имафидон

Доктор наук, преподаватель кафедры философии Отделения гуманитарных наук Университета Амброза Алли (г. Экпома, Нигерия), тьютор Института специальных исследований Йоханнесбурга (Университет Йоханнесбурга, ЮАР). Редактор изданий «Ontologized Ethics: New Essays in African Meta-ethics» (Lexington Books, 2013), «The Ethics of Subjectivity: Perspectives since the Dawn of Modernity» (Palgrave Macmillan, 2015), автор книги «The Rationality of African Traditional Thought: An Introduction» (CreateSpace, 2013) и ряда статей, в числе последних из которых — работа «Dealing with the Other between the Moral and the Ethical: Albinism on the African Continent» (Journal of Theoretical Medicine and Bioethics, март 2017). В настоящее время работает над книгой «White Skin, Black Race: The Philosophical Discourse of Albinism in Africa».

Алексей Козлов

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВО «НГПУ». Область научных интересов: русская литература XIX века, литературный процесс, художественная рефлексия, взаимодействие дискурсов. Основные результаты исследований представлены в 26 статьях.

Елена Марасинова

Ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук Института российской истории РАН, профессор НИУ ВШЭ. Области научных интересов: русская история и литература XVIII–XIX веков, в частности — общественное сознание, повседневность, социальная история русского дворянства, Begriffsgeschichte, механизмы социального контроля, Просвещение, отражение истории общественной мысли в литературе и т.п. Основные публикации: «Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в.

(По материалам переписки)» (М.: РОССПЭН, 1999), «Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века)» (М.: Наука, 2008), «„Закон“ и „Гражданин“ в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания» (М.: НЛО, в печати).

Авишай Маргалит

Доктор наук, почетный профессор философии факультета гуманитарных наук Еврейского университета в Иерусалиме. Лауреат премий «The Spinozalens Prize» (2001), «E.M.E.T. Prize» (2007), «Israel Prize in Philosophy» (2010), «Ernst Bloch Prize» (2012). Автор книг «The Decent Society» (Harvard University Press, 1996), «The Ethics of Memory» (Harvard University Press, 2002), «On Compromise And Rotten Compromises» (Princeton University Press, 2010), «On Betrayal» (Harvard University Press, 2017) и др.

Приглашенный преподаватель в Гарвардском университете (1974–1975), Оксфордском университете (1979–1980, 1990); Свободном университете Берлина (1984–1985); Институте Макса Планка в Берлине (1984–1985); Принстонском университете (1995–1996); Институте перспективных исследований в Принстоне (с 2006 года). Член Израильской академии естественных и гуманитарных наук с 2011 года.

Михаил Немцев

Философ, историк, кандидат философских наук, магистр гендерных исследований, сотрудник интернет-журнала «Гэфтер.ру». Преподавал философию, социологию и историю России в Новосибирске и Москве. Живет в Москве и Вашингтоне. Научные интересы: история философии и социальной мысли в позднем СССР, интеллектуальная история постсоветского общества, политическая и социальная этика, исследования памяти.

Евгения Никитенко

Кандидат исторических наук, старший преподаватель Института восточных культур и античности РГГУ, научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС. В 2010 году окончила ИВКА РГГУ по специальности «Востоковедение. Африканистика» со специализацией «Иранская филология». В 2015 году защитила кандидатскую диссертацию «„Рассказы о себе“ в культуре Ирана классического периода: „Удивительные события“ Зайн ад-Дина Васифи» по специальности «Теория и история культуры». Область научных интересов: классическая персидская литература, автобиографический нарратив, персидский любовно-романический эпос, мусульманский мистицизм.

Лариса Никифорова

Доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, истории и теории искусства Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой; член редакционного совета научно-теоретического журнала «Общество. Среда. Развитие = Terra Humana»; член Санкт-Петербургского Союза художников (секция критики и искусствознания); член Российского отделения Общества по изучению XVIII века. Автор монографий «Дворец в эпоху барокко. Опыт риторического прочтения» (2003), «Чертоги власти. Дворец в пространстве культуры» (2011).

Эрман Обье

Преподаватель Астонского университета. В Университете Турку (Финляндия) защитил диссертацию, посвященную Лю Сяобо и его борьбе за права человека в Китае и получил степень PhD (востоковедение, специализация — Китай). Исследовательские интересы: современная политика, права человека и трансформации гражданского общества в Китае и Восточной Азии, с особым вниманием к тому, как граждане используют закон и медиа для продвижения социополитических реформ и восстановления справедливости в отношении преследуемых и дискриминируемых индивидов или групп.

Мария Ониккина

Молодой специалист, автор научных статей по филологии и лингвистике. В 2006 году окончила филологический факультет МГПУ, а в 2013 году — магистратуру Института лингвистики РГУ по специальности «Русский язык и межкультурная коммуникация». Сфера научных интересов: женские автодокументальные тексты о ГУЛАГе (стратегии выживания в лагере, социальные, антропологические и гендерные особенности).

Алексей Попов

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университет им. В.И. Вернадского, ассоциированный научный сотрудник исследовательского проекта «Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны, 1949–1989» (Южно-Уральского государственного университета, Челябинск). Сфера научных интересов: история туризма в Российской империи и СССР, международные отношения и культурная дипломатия эпохи Холодной войны, повседневная и социальная история советского общества. Автор более 100 научных публикаций, в том числе в монографии «Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991» (М., 2016), а также статей в международных рецензируемых журналах «Ab Imperio»,

«Cahiers du Monde Russe», «Soviet and Post-Soviet Review», «Новое литературное обозрение», «Антропологический форум».

Екатерина Правилова

Профессор Принстонского университета. Автор работ по истории российского права и управления XVIII — начала XX века, монографий о финансовой системе управления империей, политическом, культурном и интеллектуальном развитии собственности в России.

Олег Проскурин

Закончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1980 году. После защиты кандидатской диссертации (1984) в течение ряда лет преподавал в Московском государственном педагогическом университете, затем — в Иллинойском университете в Чикаго и Северо-западном университете (Эванстон, Иллинойс). Он был приглашенным научным сотрудником Института европейских исследований в Корнельском университете (1998–2000, 2004–2005) и региональным научным сотрудником Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (2000–2001). С 2005 года преподает литературу в Русской школе им. Кэтрин Вассерман Дэвис Миддлбери-Колледжа (Вермонт). В настоящее время — приглашенный профессор кафедры русского и восточноазиатских языков и культур Университета Эмори (Атланта, Джорджия). Автор ряда работ о русской литературе и культуре XVIII–XX веков. Среди его публикаций — книги «Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест» (Новое литературное обозрение, 1999), «Литературные скандалы пушкинской эпохи» (Объединенное гуманитарное издательство, 2000) и обширный комментарий к репринтному изданию пушкинских поэм (Поэмы и повести. Т. 1. М.: Новое издательство, 2007).

Владислав Ржеуцкий

Окончил Высшую школу социальных наук (Париж, Франция) и получил степень кандидата наук в Институте российской истории РАН в 2003 году. Преподавал историю России и перевод в различных университетах Франции; работал над исследовательским проектом по социальной истории французского языка в России в Бристольском университете. В настоящее время — научный сотрудник Германского исторического института в Москве. Его исследования посвящены истории образования, социальной истории языков, эмиграции и прессе в России в XVIII — начале XIX вв. Под его редакцией в последние годы вышли следующие издания: «European Francophonie» (совместно с Д. Оффордом и Г. Арджент, Оксфорд, 2014); «French and Russian in Imperial Russia» (совместно с Д. Оффордом, Л. Рязановой-Кларк и Г. Арджент, Эдинбург, 2015,

в 2-х тт.) и «Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe», 1750–1880 (Париж, 2016). В настоящее время в соавторстве с Дерекком Оффордом и Гезиной Арджент работает над книгой о социальной, политической и литературной истории французского языка в России (готовится к публикации в Amsterdam University Press).

Аньес Рокамора

PhD, преподаватель социальных наук и наук о культуре в Лондонском колледже моды, Лондонский университет искусств. Автор книги «Одевая город: Париж, мода и медиа» («Fashioning the City: Paris, Fashion and the Media») и публикаций на тему моды и медиа, опубликованных в журналах «Fashion Theory», «Journalism Practice», «Sociology», «Sociétés» и «Journal of Consumer Culture». Соредактор изданий «Thinking Through Fashion: A Guide to Key Theorists», «The Handbook of Fashion Studies», а также «Fashion Media: Past and Present». Основатель и соредактор «International Journal of Fashion Studies» и член редакционного совета журнала «Cultural Sociology».

Анна П. Ронелл

PhD (Брандейский университет), преподавала в Колледже Уэллсли и сотрудничала в международных академических проектах в Массачусетском технологическом институте и в университете Массачусетса. Круг научных интересов: русскоговорящая диаспора, русско-израильская литература и культура, жизнь евреев в СССР, евреи в Восточной Европе. Статьи опубликованы в «The Journal of Modern Jewish Studies», «Polin», «Studies in Polish Jewry», «Prooftexts», «Journal of Jewish Literary History» и других. Также является приглашенным профессором в Центре русских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета.

Жоао Кардосо Росас

PhD (политическая теория, Европейский университетский институт). Доцент кафедры философии Университета Минью и постоянный приглашенный профессор Католического университета Португалии в Лиссабоне. Приглашенный профессор по программе Michael Teague в Брауновском университете (2001), приглашенный исследователь в Оксфордском университете (2008). В Университете Минью исполняет должность декана Школы искусств и гуманитарных наук и преподает этику, политическую философию, философию прав человека, а также является координатором исследовательской группы по политической теории, которую основал в 2008 году (<http://www.grupoteoriapolitica.org>). Автор и редактор нескольких книг, среди которых «Ética, Democracia e Tecnologia» («Этика, Демократия и Технология». Braga,

Húmus, 2010. Соредактор — Роберто Меррилл); «Conceções da Justiça» («Концепции Правосудия». Lisboa, Edições 70, 2011); «Futuro Indefinido: Ensaio de Filosofia Política» («Неопределенное будущее: Статьи по философии политики». Braga, Húmus, 2012); «Ideologias Políticas Contemporâneas: Mudanças e Permanências» («Современные политические идеологии: перемены и стабильность». Coimbra, Almedina, 2013; соредактор — Рита Феррейра); «Left and Right: The Great Dichotomy Revisited» («Лево и право: еще раз о великой дихотомии. Newcastle, 2013; соредактор — Рита Феррейра); «New Directions in the Philosophy of Human Rights» («Новые направления в философии прав человека». Braga, 2014; редактор).

Ирина Рудик

PhD по русской литературе (Тартуский университет, Эстония, 2014). Стипендиат программы «Baltika» для иностранных исследователей (Таллинский университет, Эстония, 2015). В настоящее время — ассистент, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Институт иностранных языков, РГУ им. С.А. Есенина (Рязань, РФ). Сфера интересов: история русских студенческих организаций в Прибалтике, русская литература первой половины XX века, русско-эстонские отношения.

Ильшат Саатов

Кандидат политических наук, научный сотрудник Центра изучения Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. Редактор журнала «Islamology», научный руководитель Центра исламоведения Фонда Марджани. Готовится к выходу его книга «Политический маркетинг в России и Турции» (Институт востоковедения РАН). Научные интересы: ислам и политика в Турции, ислам и современность / демократия / секуляризм, турецкая и татарская общественно-политическая мысль в XIX–XX веках, политический маркетинг.

Светлана Сидорова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН. В 1994 г. окончила с отличием кафедру новой и новейшей истории Великобритании исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специалист и автор работ по истории Индии колониального периода и британской колониальной политике, включая многочисленные статьи, монографию «Индийский хлопок и британский интерес. Овеществленная политика в колониальную эпоху» (в печати) и второй том (в качестве главного редактора) «Движение и пространство»

в рамках междисциплинарного проекта «Под небом Южной Азии» (ПНЮА — <http://www.ivran.ru/pnuu>).

Светлана Стивенсон

Доцент Лондонского университета Метрополитен, кандидат социологических наук. Свою профессиональную деятельность начинала в 1988 году во ВЦИОМе. Автор двух монографий: «Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia» (Ashgate, 2006) и «Gangs of Russia: From the Streets to the Corridors of Power» (Cornell University Press, 2015), а также многочисленных статей на русском и английском языках, посвященных представлениям о социальной справедливости, теневым и криминальным городским сообществам, а также проблемам насилия и социального контроля.

Игорь Е. Суриков

Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова в 1991 году, доктор исторических наук (диссертация защищена в 2004 году в Институте всеобщей истории РАН). Главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ. Автор около 400 опубликованных работ, в том числе более 20 книг.

Джитендра Уттам

Доцент Университета Джавахарлала Неру в Индии, где преподает в Школе международных исследований. Автор проекта по исследованию взаимосвязей между кастовой системой и капитализмом в Индии. PhD (Сеульский национальный университет, Корея). Активно публикуется в авторитетных журналах, книгах, энциклопедиях, газетах и представляет результаты своих исследований публике по всему миру. Его первая авторская книга — «The Political Economy of Korea: Transition, Transformation and Turnaround» (Palgrave Macmillan, 2014). В июне 2017 году готовится к выходу книга «Varieties of Capitalism in Asia: Beyond the Developmental State» (London: Palgrave Macmillan), написанная в соавторстве с Дэвидом Хундтом.

Олег Хархордин

Ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор факультета политических наук и социологии. PhD (Калифорнийский университет в Беркли). Автор монографий «The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices» (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999), «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности» (СПб: Издательство ЕУСПб, 2002), «Main Concepts of Russian Politics» (Lanham, MD:

University Press of America, 2005), «Теория практик» (в соавторстве с В.В. Волковым. СПб: Издательство ЕУСПб, 2008), «Основные понятия российской политики» (М.: НЛО, 2011). Работал научным сотрудником в Центре международных исследований Гарвардского университета (1996–1998), преподавал как приглашенный профессор на факультетах политических наук Йельского (2002) и Гарвардского (2002–2003) университетов, а также в Институте политических исследований в Париже (2005, 2006, 2008). Область научных интересов: современная западная политическая мысль, прагматический поворот в общественных науках, история понятий.

Ксения Черкаева

Антрополог. Защитила PhD в Колумбийском Университете (2015), в данный момент является международным ассоциированным научным сотрудником НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. В 2017–2018 годах продолжит работу на позиции Academy Scholar в Academy of International and Area Studies Гарвардского университета. В настоящий момент заканчивает работу над книгой «State of Dispossession: Neoliberating the Planned Economy» (предварительное название). Статьи публиковались в журналах «Ab Imperio» (4/2014) и «Anthropology and Humanism» (1/2017).

Вячеслав Шульженко

Доктор филологических наук, профессор. Руководитель отделения литературного творчества Пятигорского государственного университета, преподаватель кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства (с 2009 года). Автор монографии «Кавказский феномен русской прозы». Член диссертационных советов и редколлегий ряда научных журналов, научный руководитель гуманитарно-культурного центра «Русский Кавказ», член Союза писателей России и Литературного фонда. Выступал с научными докладами в университетах Германии, Франции, Италии, Китая, Греции, Чехии, Болгарии, Польши, Испании.

